

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 2 / 2024

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д. ю. н., профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЕМОВ Николай Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ВОСКОВИТОВА Лидия Алексеевна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д. ю. н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д. ю. н., доцент, научный руководитель Научно-исследовательского института, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к. ю. н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАКАРЕНКО Вероника Сергеевна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research; Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
Lydia A. VOSKOBITOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of the Belarusian State University
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Russian State University of Justice
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Scientific Adviser of the Research Institute, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Veronika S. MAKARENKO	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Шашкин П. А. <i>Культурный суверенитет: содержание правовой дефиниции и правоприменение в стратегическом планировании</i>	5
Королев П. Е. <i>Идеалы в праве и право в идеологии: история отечественного суверенитета</i>	13

РАКУРС

Шамова В. О. <i>Первая конституция СССР: историческое значение</i>	21
Кащенко А. С. <i>Политико-правовые особенности первой Конституции СССР</i>	27
Чупилкина А. Ф. <i>Значимые экономические институты в эпоху Советского государства</i>	32

РОССИЯ

Шарапов Р. Д. <i>Государственная дума Российской империи IV созыва и кризис 1917 г.</i>	41
Северина А. В. <i>Женщины-юристы в борьбе за гендерное равноправие в адвокатуре (конец XIX — начало XX в.)</i>	48
Мун В. А., Гордеев А. Г. <i>Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г.: разработка и практика применения</i>	53
Казаков Н. Д. <i>К вопросу о механизме контроля за деятельностью органов исполнительной власти в Российской Федерации</i>	61
Мухаринов А. А. <i>О некоторых проблемах развития патентного права в Российской Федерации</i>	64

МИР

Берзина А. А., Жук А. Р. <i>Активное избирательное право: развитие форм реализации</i>	72
---	----

CONTENTS

TRANDS

Shashkin P. A. <i>Cultural Sovereignty: The Content of its Legal Definition and Enforcement in Strategic Planning</i>	5
Korolev P. E. <i>Ideals in Law and Law in Ideology: The History of Domestic Sovereignty</i>	13

FOCUS

Shamova V. O. <i>The First Constitution of the USSR: Historical Significance</i>	21
Kashchenko A. S. <i>Political and Legal Features of the First Constitution of the USSR</i>	27
Chupilkina A. F. <i>Significant Economic Institutions in the Era of the Soviet State</i>	32

RUSSIA

Sharapov R. D. <i>State Duma of the Russian Empire of the 4th Convocation and the Crisis of 1917</i>	41
Severina A. V. <i>Women Lawyers in the Struggle for Gender Equality in the Bar (late 19th — early 20th centuries)</i>	48
Mun V. A., Gordeev A. G. <i>The RSFSR Code on Marriage and Family of 1969: The Code Development and Application Practice</i>	53
Kazakov N. D. <i>The Mechanism of Control over the Activities of Executive Authorities in the Russian Federation</i>	61
Mukharinov A. A. <i>Some Problems of Patent Law Development in the Russian Federation</i>	64

WORLD

Berzina A. A., Zhuk A. R. <i>The Right to Vote: Development of the Forms of Implementation</i>	72
---	----

КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ

Шашкин Павел Александрович,

старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, кандидат философских наук
129366, Россия, Москва, ул. Космонавтов, д. 2

paulshashkin@list.ru

© Шашкин П. А., 2024

Аннотация. В статье представлено авторское видение правоприменения дефиниции «культурный суверенитет» в целях противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности России и характеристика некоторых его свойств. Обеспечение культурного суверенитета рассматривается в качестве ключевой составляющей согласованных действий в сфере стратегического планирования органов публичной власти и институтов гражданского общества по охране суверенитета государства, достижения стратегических целей управления, защиты основ конституционного строя России, аксиологического фундамента государственности и исторически сложившейся конституционной идентичности. Свойства культурного суверенитета раскрываются, по мнению автора, в измеримых с точки зрения стратегического управления результатах государственной политики, требующих реализации комплекса управленческих мер и мероприятий. Свойство культурного суверенитета «защищенность народа и государства от деструктивного идеологического и информационного воздействия» должно выражаться в измеримых результатах скоординированных действий всех структур государства по пресечению деструктивного воздействия на культуру при активном участии в этом процессе гражданского общества. Свойство культурного суверенитета «сохранение исторической памяти и самобытности народа» требует выражения в измеримых с точки зрения стратегического управления результатах государственной политики, в числе которых — снижение количества и активности транснациональных «сообществ идентичности» в стране, не комплементарных с общероссийской гражданской и культурной идентичностью. Свойство культурного суверенитета «проведение общегосударственной политики в соответствии с традиционными российскими ценностями» должно найти свое выражение в конкретных результатах укрепления действующих исторически сложившихся институтов публичной власти с точки зрения их модернизации для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности и развития на основе конституционного принципа солидарности, формирующей гражданское единство и самосознание. Качество культурного суверенитета России определяется, таким образом, поддержанием духовных сил государства и народа, основных публичных институтов на уровне, необходимом для формирования суверенной политической воли и достижения целей стратегического управления.

Ключевые слова: государство; культура; культурный суверенитет; национальная безопасность; стратегическое планирование; традиционные российские духовно-нравственные ценности; государственное управление; деструктивная идеология; социокультурные угрозы; общероссийская гражданская идентичность.

CULTURAL SOVEREIGNTY: THE CONTENT OF ITS LEGAL DEFINITION AND ENFORCEMENT IN STRATEGIC PLANNING

Pavel A. Shashkin,

Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage

paulshashkin@list.ru

Abstract. The paper provides the author's vision of implementation of the definition of «cultural sovereignty» in order to counter socio-cultural threats to Russia's national security and the characteristics of some of its properties. Ensuring cultural sovereignty is considered as a key element of coordinated actions in the field of strategic planning of public authorities and civil society institutions to protect state sovereignty, achieve the goals of strategic administration, protect the foundations of the constitutional system of Russia and axiological foundation of statehood and historically established constitutional identity. In the author's opinion, the properties of cultural sovereignty are disclosed in the results of state policy that are measurable from the point of view of strategic administration, requiring the implementation of a set of management measures and efforts. The property of cultural sovereignty «protection of the people and the state from destructive ideological and informational impact» should be expressed in the measurable results of coordinated actions of all structures of the State to suppress the destructive impact on culture with the active participation of civil society. «Preservation of the historical memory and identity of the people» as a property of cultural sovereignty requires expression in the results of state policy that are measurable from the point of view of strategic management, including a decrease in the number and activity of transnational «identity communities» in the country that are not complementary to all-Russian civil and cultural identity. «Conducting a national policy in accordance with traditional Russian values» as a property of cultural sovereignty should find its expression in the concrete results of strengthening the existing historically established institutions of public authority in terms of their modernization in order to achieve strategic goals of ensuring national security and development on the basis of the constitutional principle of solidarity, which forms civil unity and self-awareness. The quality of cultural sovereignty of Russia is defined by maintenance of spiritual powers of the state and the people, the main public institutes at the level necessary for formation of sovereign political will and achievement of the goals of strategic management.

Keywords: State; culture; cultural sovereignty; national security; strategic planning; traditional Russian spiritual and moral values; public administration; destructive ideology; sociocultural threats; All-Russian civic identity.

Тематика культурного суверенитета в последнее время становится предметом внимательного изучения отечественными исследователями. Однако правоприменение данного термина в стратегическом планировании, в частности в государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских ценностей, не стало объектом исследования.

Важная новелла обновленной редакции Основ государственной культурной политики 2023 г.¹ — появление правовой дефиниции культурного суверенитета. Культурный суверенитет рассматривается как совокупность социально-культурных факторов, благодаря которым обеспечивается защита государства и граждан от деструктивного воздействия в сфере культуры, сохранение исторической памяти и самобытности народа, проведение общегосударственной политики в соответствии с традиционными российскими ценностями (разд. III Основ государственной культурной политики). Таким образом, в документе презюмируется, что культурный суверенитет обладает определенным набором особых свойств, определяющих формы и методы реализации государственной политики.

Появление данного термина в Основах государственной культурной политики стало логичным развитием положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² и Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³, в которых группа угроз национальной безопасности, связанных с разрушением культурного суверенитета, обозначена в числе наиболее актуальных. Согласно названным выше документам стратегического планирования, культурный суверенитет подвергается деструктивному воздействию вследствие целенаправленных подрывных действий по разрушению преемственности в развитии Российского государства, дискредитации (открытой и латентной) его базовых государственных и общественных институтов, государствообразующего народа и иных исторически проживающих в России этносов, в том числе посредством «вестернизации» культуры, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, реализации ошибочных управленческих решений в области культурной, образовательной, научной, национальной и информационной политики без учета фундаментальной роли традиционных российских ценностей для сохранения гражданского единства народа России и его самобытности, единого культурного пространства страны, государственного суверенитета в целом (пп. 86–90 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации). Означенные действия имеют характерные черты, свойственные распространению деструктивной идеологии (пп. 14, 18 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей), о которых будет сказано далее, и требуют реагирования публичной власти и гражданского общества.

Очевидным образом нейтрализация комплекса угроз утраты культурного суверенитета становится приоритетом государственной культурной политики и политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей как составляющей политики обеспечения национальной безопасности (разд. IV Основ государственной культурной политики, пп. 7 п. 93 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, п. 9 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей), что требует дальнейшего раскрытия как собственно понятия культурного суверенитета применительно к управленческой практике, так и его отдельных свойств.

Главная роль государства как защитника традиционных ценностей и национальной культуры имеет те же правовые основы, что и роль государства в охране иных форм государственного суверенитета. Качеством суверенитета народ — единственный носитель суверенитета и источник власти (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ⁴)

¹ Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁴ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 25 декабря 1993. № 237.

наделяет демократическое государство как выразителя национальных интересов, но не отдельных граждан либо сообщества. В связи с этим уместно констатировать, что культурный суверенитет как составляющая государственного суверенитета обладает теми же общими свойствами, что и государственный суверенитет, включая верховенство, самостоятельность и независимость государственной власти. Таким образом, исключительно государство как выразитель национальных интересов призвано решать широкий круг управленческих задач в сфере защиты национальной системы ценностей — основы культуры и национальной самобытности от деструктивного воздействия внешних и внутренних акторов, обеспечивать преемственность трансляции традиционных ценностей от поколения к поколению и охрану культуры как уникального наследия народа (ч. 4 ст. 68 Конституции РФ). Данные управленческие функции выражаются среди прочего в праве ограничивать либо пресекать в целях обеспечения безопасности государства, защиты основ конституционного строя и нравственности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) любую деструктивную деятельность вступающих в конфликт с идентичностью государства-нации транснациональных «сообществ идентичности», создающую угрозы национальной безопасности, в особенности деятельность, ведущую к утрате исторически сложившихся национальных и культурных идентичностей граждан (пп. «м» п. 24 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей). Последнее рассматривается Российским государством как ключевая социокультурная угроза национальным интересам (пп. 84–85 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации).

Одним из главных субъектов деструктивной деятельности, конкурирующих с государством в процессах формирования ценностных ориентаций его граждан, выступают именно альтернативные государству транснациональные сообщества, последовательно стремящиеся к ограничению, а затем снижению и подрыву государственного суверенитета, в том числе культурного, путем умножения нелояльных национальному государству идентичностей, а также разрушения национального государства с обширной сферой влияния. Очевидным образом делигитимация публичных институтов как проявление угрозы утраты культурного суверенитета непосредственно коррелирует с проявлениями иных социокультурных угроз, выражающихся в саморазрушении общества, искажении правосознания, традиционных исторически сложившихся идентичностей и моральных устоев граждан, фрагментации единого культурного пространства страны.

Подрыв культурного суверенитета как наиболее опасная и чреватая социальной напряженностью форма деструктивной деятельности, имеет ряд отличительных особенностей, выявление которых имеет определяющее значение для корректной оценки действий любых лиц в целях нейтрализации социокультурных угроз национальной безопасности. Описывая проявления деструктивной идеологии, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации непосредственно указывают на такие ее характеристики как целенаправленный, спланированный и организованный характер деятельности по ограничению, ослаблению и подрыву государственного суверенитета, в том числе культурного, представляющей угрозу национальным интересам России, единственным выразителем которых является государство (п. 87 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, пп. 13, 16 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей), а также первоочередную направленность таких действий на дискредитацию и подрыв доверия к исторически сложившимся общественным и государственным институтам, на разрушение политической, экономической и социальной солидарности (п. 17 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей).

В этом аспекте защита традиционных ценностей, культуры и исторической памяти как отдельный стратегический национальный приоритет (п. 93 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации) непосредственно сопряжена с функцией

уполномоченных народом органов публичной власти в широком взаимодействии с гражданским обществом осуществлять охрану культурного суверенитета в пределах своих полномочий для поддержания гражданского мира, укрепления гражданской идентичности и солидарности. Важно подчеркнуть, что данные функции не могут передаваться органами публичной власти никаким иным лицам, включая институты гражданского общества, что не исключает участие последних в выработке и проведении государственной политики строго в соответствии с уставными целями и при координирующей роли государства (п. 9 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей). Первостепенное значение в этом процессе отводится политическим партиям, целевое назначение которых, в отличие от иных общественных, а также религиозных объединений, заключается в профессиональном формировании политической воли народа и выражении национальных интересов путем участия в работе институтов представительной демократии всех уровней, на что особо указал Конституционный Суд РФ⁵.

К полномочиям Президента РФ, осуществляющего общее руководство стратегическим планированием и силами обеспечения национальной безопасности, относится принятие мер по охране суверенитета государства (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Механизм обеспечения культурного суверенитета России закреплен конституционно и применяется в сфере охраны культуры и защиты традиционных ценностей в первую очередь силами обеспечения национальной безопасности, а также в пределах своих полномочий иными органами публичной власти (п. 10 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей). Например, Правительство России и подведомственные ему органы и организации также участвуют в обеспечении культурного суверенитета в пределах своих полномочий (пп. «в», «д» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, п. 6 ст. 21, п. 1 ст. 24 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»⁶).

В связи с разнообразием субъектов, уполномоченных обеспечивать культурный суверенитет, его особые свойства нуждаются в дальнейшем раскрытии и требуют обеспечения конкретными взаимосвязанными и согласованными управленческими мерами под общим руководством главы государства (п. 103 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации). Такие меры должны быть приоритетно направлены на достижение стратегических целей — укрепление российской государственности, сохранение исторически сложившегося культурного и гражданского единства российской нации, залогом чего выступает сохранение национальной и культурной идентичности граждан России, воспитание правосознания народа и гражданского самосознания в целом.

В связи с этим государство как выразитель национальных интересов, формирующихся в национальном самосознании на основе традиционных ценностей, априорно обязано принимать меры по пресечению любых действий, направленных на их разрушение (пп. 1, 2 п. 93 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, пп. «а», «б», «м» п. 24 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей). В рамках общенациональной культурной политики это предполагает, например, решение таких специальных задач, как защита общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, анализ деятельности, наносящей ущерб национальным

⁵ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда РФ) (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения: 30.06.2024).

⁶ СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

интересам в сфере культуры, разработка мер противодействия такой деятельности (разд. VI, VII Основ государственной культурной политики).

Другим важным направлением реализации управленческих мер является масштабная гармонизация и актуализация нормативных правовых актов в сфере общенациональной государственной культурной политики⁷, приведение их в соответствие с документам стратегического планирования в области национальной безопасности, совершенствование системы государственного управления в части разработки новых механизмов межведомственной и межуровневой координации и взаимодействия.

В управленческой деятельности такое свойство культурного суверенитета, как «защищенность народа и государства от деструктивного идеологического и информационного воздействия» должно выражаться в измеримых результатах скоординированных действий всех структур государства по пресечению деструктивного воздействия на культуру при активном участии в этом процессе гражданского общества. Защита традиционных ценностей — суммы конституционных ценностей как общегосударственная задача непосредственно связана с достижением стратегических целей управления, что предполагает общие действия государственных и общественных структур по укреплению российской государственности как главного фактора защиты прав и свобод граждан и особой конституционной ценности⁸.

Свойство культурного суверенитета «сохранение исторической памяти и самобытности народа» требует выражения в измеримых с точки зрения стратегического управления результатах государственной политики: укрепление единства народа России как историко-культурной общности, основанной на преемственности культурного и государственного развития, пресечение попыток фальсификации истории и «нациестроительства», сокращение числа формирующихся новых псевдоидентичностей, не комплементарных с общероссийской гражданской и культурной идентичностью, снижение количества и активности транснациональных «сообществ идентичности» в стране (пп. 1, 2 п. 93 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, п. 2 разд. II, разд. IV Основ государственной культурной политики, пп. а, б п. 24 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей).

Свойство культурного суверенитета «проведение общегосударственной политики в соответствии с традиционными российскими ценностями», в свою очередь, должно найти свое выражение в конкретных результатах укрепления действующих исторически сложившихся институтов публичной власти с точки зрения их модернизации для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности и развития, к которым относится нейтрализация угроз национальным интересам и поддержание баланса государственных и общественных интересов и интересов личности, развитие в управленческой практике конституционного

⁷ Аристархов В. В. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативных правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике. Аналитический доклад // Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева : официальный сайт. URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/03/vladimir-aristarkhov_zashhita-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-v-sisteme-normativno-pravovyh-aktov-otnosyashhihsya-k-kulturno-obrazovatelnoj-politike.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1399-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лагодича Константина Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 20.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision688925.pdf> (дата обращения: 30.06.2024).

принципа солидарности, формирующей гражданское единство и самосознание⁹. В целях эффективного пресечения распространения деструктивной идеологии, разрушающей гражданское единство и самобытность народа, реформы в сферах культуры, науки, образования, в информационной среде должны сопровождаться научным обоснованием целесообразности их проведения и расстановкой ясных и реалистичных приоритетов в достижении стратегических целей управления, о которых было сказано выше, при участии в процессе обсуждения всех ключевых органов публичной власти и ответственных структур гражданского общества (п. 18 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей).

Качество культурного суверенитета России определяется, таким образом, поддержанием духовных сил государства и народа, основных публичных институтов на уровне, необходимом для формирования суверенной политической воли и достижения целей стратегического управления. Управленческая деятельность по обеспечению культурного суверенитета и защите системы традиционных ценностей как основы национальной культуры и российской самобытности служит тем самым достижению конституционных целей государственного строительства, в числе которых — сохранение государственного и гражданского единства, самобытности народа, развитие здорового нравственного правосознания и укрепление начал солидарности в обществе. «При этом верховенство права является той единственной почвой, на которой возможно подлинное утверждение социальной, экономической и политической солидарности»¹⁰, что дает основание рассматривать обеспечение культурного суверенитета как форму защиты основ конституционного строя России и аксиологического фундамента конституционной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристархов В. В.* Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативных правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике. Аналитический доклад // Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева : официальный сайт. — URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/03/vladimir-aristarkhov_zashhita-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-v-sisteme-normativno-pravovyh-aktov-otnosyashhihsya-k-kulturno-obrazovatelnoj-politike.pdf (дата обращения: 30.06.2024).
2. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2020–2023 годов)» (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда РФ) (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения: 30.06.2024).

REFERENCES

1. Aristarkhov VV. Protection of traditional Russian spiritual and moral values in the system of regulatory legal acts related to state cultural and educational policy. Analytical Report. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage: official website. Available at: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/03/vladimir-aristar->

⁹ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности...».

¹⁰ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности...».

[hov_zashhita-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-v-sisteme-normativno-pravovyh-aktov-otnosyashhihsya-k-kulturno-obrazovatelnoj-politike.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf) [Accessed 30.06.2024]. (In Russ.).

2. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation «Actual constitutional and legal aspects of ensuring economic, political and social solidarity: 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2020–2023)» (prepared by the Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation) (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 14 November 2023). Constitutional Court of the Russian Federation. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> [Accessed 30.06.2024]. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.30.2.013-020

ИДЕАЛЫ В ПРАВЕ И ПРАВО В ИДЕОЛОГИИ: ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Королев Павел Евгеньевич,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
korolevmultipass@yandex.ru

© Королев П. Е., 2024

Аннотация. Автором анализируется проблема многоаспектного понятия отечественного суверенитета, соотношения общеобязательной государственной идеологии и национальной идеи. Для изучения поставленного вопроса с разных сторон применяются важнейшие положения теории государства и права, а также методология историко-правового анализа. Представляется, что суверенитет есть неотъемлемый признак любой державы, прошедшей весь хронологический путь от понимания собственной идентичности до этнического самосознания. С одной стороны, это верховенство государственной власти на неделимых территориях многонациональной федерации. С другой стороны, независимость и неотчуждаемость суверенитета составляют его внешнюю сторону, которая видится в отношениях государства с мировыми сообществами. Передоверяя свою автономию другому, держава рискует потерять свободу. Тем не менее следует помнить, что сущности суверенитета и неограниченной государственной власти сильно отличаются, ибо последняя в демократическом обществе должна основываться на праве и быть им ограничена. Данная мысль прямо сочетается с основой конституционализма, решающего проблему сосуществования морально-нравственных аспектов норм справедливости и власти законодательства. Многовековая история Российской Федерации как цивилизации с обширным материальным и духовным наследием, признающей идеологическое многообразие, доказывает первичность народного суверенитета по отношению к государственному. Отечественная хроника ярко демонстрирует, что в российской действительности и тотальная идеологизация, и отсутствие народных ценностей оказываются нежизнеспособны. Евразийская парадигма нашей державы, подобно маятнику, пребывающей на схождении пути Европы и Азии, заставляет реагировать на идеологические тенденции Запада и вбирать правовые идеалы Востока. Извечные споры, противостояния и рождение мифа обязуют суверена, не отрекаясь от реальности, наравне с народом хранить целостность русской идеи, присутствующей в отечественном самосознании.

Ключевые слова: идеология; суверенитет; государство; право; власть; народ; нация; русская идея; евразийство; конституционализм.

IDEALS IN LAW AND LAW IN IDEOLOGY: THE HISTORY OF DOMESTIC SOVEREIGNTY

Pavel E. Korolev,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

korolevmultipass@yandex.ru

Abstract. The author analyzes the problem of the multidimensional concept of domestic sovereignty, the ratio of compulsory state ideology and national idea. To study the question posed from different perspectives the author applies the most important provisions of the theory of state and law, as well as the methodology of historical and legal analysis. It seems that sovereignty is an integral feature of any power that has gone all the chronological way from understanding its own identity to ethnic identity. On the one hand, this is the supremacy of state power in the indivisible territories of a multinational federation. On the other hand, the independence and inalienability of sovereignty make up its external side, which is seen in the relations of the state with world communities. By delegating its autonomy to another, the power risks losing its freedom. Nevertheless, it should be remembered that the essence of sovereignty and unlimited state power are very different, because the latter in a democratic society should be based on law and be limited by it. This idea is directly combined with the basis of constitutionalism, which solves the problem of the coexistence of moral and ethical aspects of the norms of justice and the power of legislation. The centuries-old history of the Russian Federation as a civilization with an extensive material and spiritual heritage, recognizing ideological diversity, proves the primacy of popular sovereignty in relation to the State. The domestic chronicle clearly demonstrates that in Russian reality both total ideologization and the absence of popular values are not viable. The Eurasian paradigm of our power, like a pendulum, staying on the convergence of the path of Europe and Asia, forces us to respond to the ideological tendencies of the West and select the legal ideals of the East. Eternal disputes, confrontations and the birth of myth oblige the sovereign, without renouncing reality, on a par with the people to preserve the integrity of the Russian idea present in the domestic identity.

Keywords: ideology; sovereignty; state; right; power; people; nation; Russian idea; Eurasianism; constitutionalism.

В декабре 2023 г., заявляя о динамике развития страны через многообразие идей и мнений, глава российского государства В. В. Путин призывает выучить уроки истории: или наша держава будет суверенной, или ее попросту не будет. Вопрос самодостаточности «русского мира» и его независимости сегодня может похвастаться завидной актуальностью, вновь переплетаясь с политико-правовой проблематикой. Бесцельное движение чуждо многовековой державе, вследствие чего первые лица Российской Федерации выражают позиции о государственной идеологии. На текущий день обсуждение данного вопроса способно поместить по разные стороны баррикад В. Д. Зорькина и А. И. Бастрыкина, председателя верхней палаты отечественного парламента и министра юстиции.

Конституция РФ сегодня безальтернативно выдвигает несколько базовых пунктов. С одной стороны, носителем суверенитета, который распространяется на всю территорию державы, выступает многонациональный российский народ¹. С другой — прямо признавая идеологическое и политическое многообразие, Основной закон запрещает установление государственной или же обязательной идеологии. Модификация данных положений есть путь к проекту новой Конституции Российской Федерации и ее полному обновлению.

¹ Тумов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. С. 448.

Нужно ли суверенному государству изложение на федеральном уровне целей общественно-политического строя? Или реформа базового юридического документа страны, по сути своей содержащего систему идеалов в нормативной форме, чревата национальным расколом? Для ответа мы обратимся к историко-правовому анализу, определив вначале категории суверенитета и идеологии.

Первый в рамках территории державы связывается с самостоятельностью, а также полноправием государственной власти в утверждении содержания своей деятельности или устройстве социального уклада². Донельзя коммуникативный термин государственного суверенитета не раз менял свои характеристики в ходе истории, тесно переплетаясь с экономикой, культурой, нацией. В понимании же обывателя рассматриваемое явление есть, скорее, автономия государства в сфере публичной дипломатии. Суверенитет — это объективный статус с внутренним и внешним компонентами: единство и верховенство на определенной территории государственной власти, ее международная независимость и неотчуждаемость.

В демократическом режиме, безусловно, основанный на праве суверенитет подвергается ограничениям, а также самоограничениям на мировой арене. Однако как быть с конституционным положением о многонациональном народе? Думается, народный суверенитет детерминирует национальный, что неуклонно подтверждается историей государства и права. Хроника демонстрирует нам: при любом режиме граждане или подданные, образовав множество народа, фиктивно-юридически соединяются в институте суверенной власти. В ходе установления последней народ будто перестает существовать, действуя одномоментно лишь в период присяги на верность или избирательного процесса. Итак, полновластие демоса над собой приводит к удивительной противоположности: отчуждаясь, его суверенитет сосредотачивается в месте, отрешенном от остального общества³.

Большая игра, навязанная миропорядком последних столетий, стремится превратить народ, не замечающий перманентные обманы суверенных властей, в управляемую массу. В вихре глобализации очень важно не потерять культурной идентичности, ибо суверен, чья воля единственна и уникальна, занят вопросами иного толка. Кажется, он всего лишь человек, но, размышляя об экзистенции будущего, правитель не спрашивает народ, а диктует идеологические смыслы⁴.

Так что же последние из себя представляют? Когда суверенитет властителя трансформируется в суверенитет государства, лицом к лицу мы встречаемся с проблемой идеологии. С одной стороны, можно говорить о сложном духовном институте, соединяющем подчас полярные политические и теоретико-правовые, философские, религиозные взгляды на социальную действительность. С другой стороны, идеология нашего времени — не только бумажные концепции, но и суверенные волевые решения, экономические программы, законодательные акты⁵.

Думается, что конституционный принцип, закрепленный ст. 13 Основного закона, следует рассматривать как возможность каждого отстаивать собственные взгляды и убеждения, а не в качестве скорейшей общественной деидеологизации или страха повторения судьбы канувшей в лету коммунистической партии. Это логическое развитие свободы мысли и слова, совести и вероисповедания, однако многими воспринятое в виде ценностной дезориентации Российской Федерации.

Тем не менее идеологическая функция государства, которое попросту не может прогрессировать без неделимой концепции, продолжает сосредотачивать общенациональный интерес. Такая миссия отдельными правительствами может трактоваться по-разному: как потребность в социальной интеграции и легитимации

² Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2017. С. 58.

³ Исаев И. А. Движение суверенитета: от центра власти к сети // История государства и права. 2023. № 3. С. 4.

⁴ Румянцева В. Г. Свободная воля суверена // История государства и права. 2023. № 10. С. 12.

⁵ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. С. 372.

суверенной власти, попытка приобщения к тенденциям глобализации и прогноза вектора коллективного развития. Внимания же в нашей стране, устремленной к идеалам правового государства, заслуживает демократическая или надпартийная идеология конституционализма. Это уважение, соблюдение и защита Основного закона Российской Федерации как наивысшего достижения новейшей истории и ориентира будущего. Конституция железной силой права связывает не только многонациональный державный народ, но и общеобязательные экономические, политические, правовые, духовные ценности, представляющие из себя идейное содержание отечественной государственности⁶.

Для учреждения конституционализма в реальной жизни сегодня требуется должный уровень нормативно-правовой базы, юридических механизмов защиты государственного строя, сбалансированности разделения властей. Именно здесь усматривается высокая роль права, владеющего социальной и инструментальной ценностью. В современной эпохе вооруженных противостояний или локальных конфликтов решающее значение приобретает сражение за человеческие души в правовом поле — это проблема соотношения морально-нравственных аспектов норм справедливости и верховенства законодательства⁷. Последнее же есть мера дозволенного личности в ее социальном взаимодействии и способ достижения идейного компромисса. Идеалы отечественного конституционализма отмечены в ст. 2 Основного закона, говорящей о ценности человека, его прав и свобод.

Итак, среди государственных функций идеология и закон переплетаются теснейшим образом. Однако не следует впадать в крайности, забывая о том, что подчиненное, например, партийным убеждениям право становится марионеткой в руках своевольного суверена. С другой стороны, идеология демократичная и прогрессивная ориентирует логичное развитие законодательства, отражающего подлинные общенациональные интересы и основы конституционализма⁸.

Отечественная история хорошо демонстрирует, что в условиях российской действительности и тотальная идеологизация, и отсутствие народных ценностей оказываются нежизнеспособны. Думается, что приведенный тезис соответствует евразийской парадигме нашей державы, остро реагирующей на идеологические тенденции Запада, вбирающей правовые идеалы Востока, а также вынужденной, подобно маятнику, пребывать на пересечении Европы и Азии. Как суверенному государству и цивилизованному союзу многонационального народа, Российской Федерации по-прежнему требуется «золотая середина». Подмена национальной идеи чужеродными убеждениями чревата потерей автономии, а существование цивилизации в отрыве от политической самостоятельности невозможно⁹.

Наконец, попытаемся проследить то самое влияние извне, обратившись к памятникам истории государства и права. Действительно ли противопоставить отечественному идеалу православного самодержавия попросту нечего и русский человек, способный искренне подчиниться лишь власти единоличной, по своему характеру может быть только монархистом или же анархистом?¹⁰ Исследовать настроение отечественной правовой мысли и предугадать направление его будущего развития становится возможным при ознакомлении с древнерусскими актами. Трансформация местных обычаев здесь сосуществовала с международными договорами князя

⁶ Нерсисянц В. С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации : сборник статей / под ред. Ю. С. Пивоварова. М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 7.

⁷ Зорькин В. Д. Право против хаоса : монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 17.

⁸ Радько Т. Н. Об идеологической функции права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 73.

⁹ Бабурин С. Н. Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 135.

¹⁰ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Университетская типография, 1905. Ч. 3 : Русская государственность. С. 243.

Олега и церковным правом Византийской империи, а положения Эклоги, Прохирона или указания восточных базилевсов интерпретировались в русских уставах. С принятием же православия авторитет религиозного мироощущения лишь продолжил усиливаться, оказывая влияние не только на культуру или психологию народа, но и на его законодательство.

Тем не менее не обошлось без западного влияния германских и шведских норм: геополитика и вольности варяжских традиций предопределили рождение Новгородской и Псковской судебных грамот. Сила же правового обычая позволяла зарубежным идеям проникать в национальные идеалы, связывая Салическую и Русскую Правды¹¹. Князь или посадник северо-западных земель теперь не могли судить несправедливо: «Да будет судья им Бог на втором пришествии Христа».

Политико-правовая теория после XV в. есть извечный спор нестяжателей и иосифлян, приводящий нас к зарождению концепции «Москва — третий Рим». Становление суверенных «боговенчаных самодержцев и государей всея Руси» сопровождалось определением их полномочий и решением споров о церковном имуществе. С одной стороны, избирая вместо богатства уединенное поселение и личный труд, Максим Грек впервые пишет о возможности как наследственного, так и выборного занятия престола в праведном государстве¹². Правда, сущность верховной власти по-прежнему видится нестяжателю реализацией божественной воли при участии «советующих лиц», которых за несоответствие нравственным идеалам ждало возмездие. С другой стороны, именно стяжатели, отстаивающие правомерность экономически мощной церковной организации, в конечном итоге получили поддержку Ивана III. Политико-правовая мысль Иосифа Волоцкого о преклоняющемся Церкве, но равном всем другим людям носителе божественной государственной власти быстро сменилась возвеличиванием суверена.

Впоследствии идеологическая конфронтация светской и духовной власти не раз отметится в истории Отечества, сопровождая становление абсолютизма в эпоху бунташного века и петровских преобразований. К сожалению, конфликт, окончившийся открытием Священного Синода, так и не станет продуктивным, уподобившись спору царя Ивана IV и князя А. М. Курбского, где противники не стремятся друг друга услышать, а истина заранее мертва. Когда «просвещенный абсолютизм» увидел французскую революцию, секуляризация и самодержавные идеи Екатерины II породили Е. И. Пугачева, «дней Александровых прекрасное начало» сменилось периодом реакции, настало время для движения декабристов.

Оказался ли прав поэт? Что нужно Лондону, то рано для Москвы? Быть может, подобным образом рассуждал А. А. Аракчеев, всецель которого привело к тому, что идеи М. М. Сперанского о триединстве власти и эволюционном пути развития империи через жалованные императором законодательные акты остались лишь на бумаге. В отсутствие реформирования «сверху» присутствовавшие на Сенатской площади встретили идеологию П. И. Пестеля и Н. И. Муравьева, подстегнутую заграничным походом отечественной армии. По мнению первого, благоденствие народа — это безопасность и благосостояние, а ненасильственное суверенное государство способно законно существовать при условии взаимных уступок республиканского правительства и граждан. Конституционные проекты декабристского Северного общества, в свою очередь, упрекали абсолютизм и высказывались о естественном праве, свободе и независимости русского народа, который усматривался источником власти. Немного выждав, А. Х. Бенкендорф уже заявит о крепостном состоянии как «пороховом погребе» под государством.

Вторая половина XIX в. — противостояние политико-правовых идеологий западников и славянофилов. Кажется, и в данном споре, корни которого следует наблюдать в упомянутом нами маятнике между Европой и Азией, разрешения не предвидится.

¹¹ Исаев И. А., Румянцева В. Г. Россия — Евразия: правовое заимствование европейских традиций // Вопросы истории. 2022. № 11 (2). С. 5.

¹² Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2003. С. 52.

Одни сограждане непременно согласятся с Н. Г. Чернышевским, разделяя теорию «разумного эгоизма» и идеологию общинного социализма, или посочувствуют П. Я. Чаадаеву. Еще у современника письма последнего вызвали живой отклик: «Палками бьют и в Сибирь посылают — мы не обижаемся! А тут, видите, зацепил народную честь — не смей говорить. Речь — дерзость»¹³. Тогда кто же оказывается виноват, выражаясь языком А. И. Герцена? И что делать?

В то же время всегда найдут сторонников традиционализм и консерватизм, евразийство или русская наднациональная мессианская идея, трактование права И. В. Киреевским как справедливости или воплощения христианской правды. По мнению славянофилов, западные ценности губят отечественный суверенитет, а проникновению их в национальную психологию способствует правящий класс, противостоящий народу. Оттого Петр Великий — царь ненастоящий, создавший отделенный от общества управленческий аппарат. Существо суверенной власти с 862 г. — никак не привилегия, но жертвенное бремя, олицетворяющее общую волю подданных. Когда же идеология православия, самодержавия и народности «заморозит» реформы Александра II, на горизонте замаячат апрельские тезисы.

Вторая половина XIX в. — не только противостояние. Одновременно это период творчества человека, чьи теории изваяли судьбы нескольких поколений соотечественников на почве вышеупомянутой справедливости, но не равенства. Конечно, речь идет о марксизме, ставшем однажды государственной идеологией, хотя и понимаемой как ложное сознание. Располагая в научной области конкретным материалом, идеолог работает с мышлением предшественников или своим собственным, не задумываясь об истинных побудительных силах¹⁴.

Подобным максимумом, осмелившемся претворить теорию на практике, и выступил В. И. Ленин, в классовых противоречиях ограничившийся идеологией или буржуазной, или социалистической¹⁵. Мы вновь вынуждены оказаться перед распутием отечественной истории — маятник избирает революцию. Говоря же о праве наций на самоопределение, а также возможности построения социализма в отдельном государстве, В. И. Ленин заявляет о захвате политической власти. Разуверился ли вождь в «ложном сознании», настаивая на новой экономической политике? Вероятно, ответ был известен «народному смирителю», уже в 1936 г. заявившему о завоевании пролетарской диктатуры на конституционном уровне.

Всё, что произойдет в дальнейшем, станет логическим продолжением. По К. Марксу, суверенитет — бессознательная субъективность и идеализм государства в качестве внутренней необходимости¹⁶. Это и есть особая идея, помноженная на следующий вопрос: не является ли иллюзией суверенитет, якобы пребывающий в одном индивидууме? В 1977 г. Коммунистическая партия Советского Союза, вооруженная марксистско-ленинским учением, уже признавалась руководящей и направляющей силой общества в борьбе за победу коммунизма. Это и был ответ.

Итак, подведем итог исследования отечественного суверенитета и русской народности, понимающей чуждые ей цивилизации и являющейся, быть может, примирительным синтезом идей, которые с упорством и мужеством развивает Европа в отдельных национальностях¹⁷. Суверенитет — сочетание, казалось бы, несочетаемого, связанное с существом государственной власти и объединяющее независимость «вовне» с господством «внутри». Без сомнения, правовая норма способна диктовать общеобязательное правило, однако персонифицированный

¹³ Герцен А. И. Сочинения / общ. ред. А. И. Володина, З. В. Смирновой. М. : Мысль, 1986. Т. 2. С. 204.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат, 1946. Т. 29. С. 228.

¹⁵ Ленин В. И. Собрание сочинений. М. : Государственное издательство, 1925. Т. 5 : Борьба за партию 1901–1904 гг. С. 148.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / ред. Д. Рязанова. М. : Гос. изд-во, 1928. Т. 1. С. 545.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Л. : Наука, 1978. Т. 18 : Статьи и заметки 1845–1861 гг. С. 37.

суверен, говорящий от лица всех и каждого на территории неделимой державы, в своих действиях остается свободен.

Способен ли он искусственно формулировать национальную идеологию? Безусловно, если народ уже не способен себя идентифицировать, а сам суверен не страшится последствий перманентного обмана масс. Представляется, что идея всегда присутствует в отечественном самосознании, и задача суверенной власти заключается лишь в том, чтобы ее прочувствовать и возвести в правовую норму, не отрекаясь от реальности и самой народности.

По сей день Русь «несется, что бойкая необгонимая тройка», а иные народы и государства, косясь, дают ей дорогу. Идеи приоритета коллективного интереса над личным и высокая миссия православной державы у нас могут сочетаться с идеологией разумного индивидуализма. Свобода духа, культурная самобытность уживаются с призывами к персональному творческому развитию. В условиях же движения маятника и выработки под влиянием этого мифов все время надо быть смелым. Не допуская консервации отечественной мысли на бумаге, грамотный суверен наряду с народом призывается силой права хранить целостность русской идеологии, обеспечивая консолидацию национального организма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабурин С. Н.* Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5 (81). — С. 130–136.
2. *Герцен А. И.* Сочинения / общ. ред. А. И. Володина, З. В. Смирновой. — М.: Мысль, 1986. — Т. 2. — 654 с.
3. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. — Л.: Наука, 1978. — Т. 18. — Статьи и заметки 1845–1861 гг. — 371 с.
4. *Зорькин В. Д.* Право против хаоса: монография. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2023. — 536 с.
5. *Исаев И. А.* Движение суверенитета: от центра власти к сети // История государства и права. — 2023. — № 3. — С. 2–9.
6. *Исаев И. А., Золотухина Н. М.* История политических и правовых учений России: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2003. — 415 с.
7. *Исаев И. А., Румянцева В. Г.* Россия — Евразия: правовое заимствование европейских традиций // Вопросы истории. — 2022. — № 11 (2). — С. 4–15.
8. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. — М.: Норма, 2008. — 544 с.
9. *Ленин В. И.* Собрание сочинений. — М.: Государственное издательство, 1925. — Т. 5: Борьба за партию 1901–1904 гг. — 594 с.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / ред. Д. Рязанова. — М.: Государственное издательство, 1928. — Т. 1. — 664 с.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — М.: Политиздат, 1946. — Т. 29. — 500 с.
12. *Морозова Л. А.* Теория государства и права: учебник. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2017. — 464 с.
13. *Нерсесянц В. С.* Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: сборник статей под ред. Ю. С. Пивоварова. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — С. 6–10.
14. *Радько Т. Н.* Об идеологической функции права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 4 (93). — С. 72–78.
15. *Румянцева В. Г.* Свободная воля суверена // История государства и права. — 2023. — № 10. — С. 11–14.
16. *Титов Ю. П.* Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2013. — 480 с.
17. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. — М.: Университетская типография, 1905. — Ч. 3. Русская государственность. — 244 с.

REFERENCES

1. Baburin SN. Significance of value dynamics of the 20th-century Russian constitutionalism. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(5):130-136, doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.130-136. (In Russ.).
2. Gertsen AI, Volodin AI, Smirnova ZA (ed.). Works. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1986. (In Russ.).
3. Dostoevskiy FM. Complete Works. Vol 18. Articles and Notes dated 1845–1861. Leningrad: Nauka Publ.; 1978. (In Russ.).
4. Zorkin VD. Pravo protiv khaosa [Law vs Chaos]. 3rd ed. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
5. Isaev IA. Исаев И. А. The Movement of Sovereignty: From the Power Center to a Network. *History of State and Law*. 2023;3:2-9. (In Russ.).
6. Isaev IA, Zolotukhina NM. History of political and legal teachings of Russia. 2nd ed. Yurist Publ.; 2003. (In Russ.).
7. Isaev IA, Rumyantseva VG. Russia-Eurasia: Legal Adoption of European Traditions. *Voprosy istorii*. 2022;11(2):4-15. (In Russ.).
8. Kutafin OE. Rossijskij konstitutsionalizm [Russian Constitutionalism]. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
9. Lenin VI. Collection of Works. Vol. 5. Moscow: State Publishing House; 1925. Vol. 5. Struggle for the Party in 1901–1904. (In Russ.).
10. Marx K., Engels F. Ryazanova D (ed.). Writings. Vol. 1. Moscow: State Publishing House; 1928. (In Russ.).
11. Marx K., Engels F. Writings. Vol. 29. Moscow: Politizdat Publ.; 1946. (In Russ.).
12. Morozova LA. Theory of the State and Law. 6th ed. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2017. (In Russ.).
13. Nersesyants VS. Constitutionalism as a State Ideology. In: *Constitutional Law Reform in the Russian Federation: Collection of Articles*. Moscow: INION RAN; 2000. (In Russ.).
14. Radko TN. An ideological function of law. *Vestnik of the Saratov State Law Academy*. 2013;4(93):72-78. (In Russ.).
15. Rumyantseva VG. Free Will of the Sovereign. *History of State and Law*. 2023;10:11-14. (In Russ.).
16. Titov YuP. Textbook on the history of the state and the law of Russia. 4th ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2013. (In Russ.).
17. Tikhomirov LA. Monarchical Statehood. Part 3. Russian Statehood. Moscow: University Publishing House; 1905. (In Russ.).

ПЕРВАЯ КОНСТИТУЦИЯ СССР: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Шамова Валерия Олеговна,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
shamovaleria178@gmail.com

© Шамова В. О., 2024

Аннотация. Конституция СССР 1924 г. является важным правовым документом, сформировавшим новое политико-правовое образование на карте мира, просуществовавшее около 70 лет. Она внесла большой вклад в исторический ход событий как для России так и для всего мира. Ее принятие происходило в стихийных и неспокойных условиях, но несмотря на это смогло заложить основы для, стабильного, существования. Конституция СССР изменила парадигму восприятия не только политического управления, но и иных областей жизни. Она установила свободу, равенство, сотрудничество народа, принцип национального самоопределения. На тот момент такие положения являлись очень прогрессивными даже для международного права. Данный акт с правовой точки зрения не является однозначным. Дискуссии относительно отдельных вопросов ведутся и по сей день.

Так, до сих пор не стихают споры касательно правовой природы Договора об образовании Советского Союза. Ряд исследователей считает его международно-правовым документом. Другие же говорят о его внутригосударственном характере, а кто-то вовсе отмечает его двойственный характер. Всё это имеет значение для определения легитимности процедур принятия и расторжения данного документа. Еще одним спорным вопросом является государственное территориальное устройство Советского Союза. Ведь напрямую в Конституции 1924 г. это не было определено, а фактическое устройство страны не подпадало под критерии какой-либо из существующих форм устройства. Предполагалось создание совершенно новой формы управления, тем не менее в настоящий момент преобладающей точкой зрения является, что Союз являлся федерацией с определенными существенными особенностями. В этом аспекте интересно также рассмотрение подходов к суверенитету страны. В статье проводится детальное изучение структуры и содержания данной Конституции, дается оценка роли Конституции в структурировании правовых основ советского государства и ее влияния на политико-правовое развитие страны.

Ключевые слова: Конституция СССР 1924 г.; декларация об образовании СССР; Договор об образовании СССР; конституционное право; правовое регулирование; основной закон; суверенитет; государственно-территориальное устройство; квазифедерация; принцип национального самоопределения.

THE FIRST CONSTITUTION OF THE USSR: HISTORICAL SIGNIFICANCE

Valeriya O. Shamova,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

shamovaleria178@gmail.com

Abstract. *The USSR Constitution of 1924 is an important legal document that formed a new political and legal entity on the world map that existed about 70 years. It made a great contribution to the historical course of events both for Russia and for the whole world. Its adoption took place in spontaneous and turbulent conditions, but despite this, it was able to lay the foundations for a stable existence. The Constitution of the USSR changed the paradigm of perception not only of political management, but also of other areas of life. It established freedom, equality, cooperation of the people, the principle of national self-determination. At that time, such provisions were very progressive even for international law. This instrument, from a legal point of view, is not unambiguous. Discussions regarding individual issues are ongoing to this day. Thus, disputes over the legal nature of the Agreement on the Formation of the Soviet Union still do not subside. A number of researchers consider it an international legal document. Others talk about its intrastate character, while someone even note its dual character. All these is important to determine the legitimacy of the procedures for accepting and terminating this document. Another controversial issue is the state territorial structure of the Soviet Union. Indeed, it was not directly defined in the 1924 Constitution, and the actual structure of the country did not fall under the criteria of any of the existing forms of device. It was supposed to create a completely new form of government. Nevertheless, at the moment, the prevailing point of view is that the Union was a federation with certain significant features. In this regard, it is also interesting to consider approaches to the sovereignty of the country. The paper carries out a detailed study of the structure and content of this Constitution, gives an assessment of the role of the Constitution in structuring the legal foundations of the Soviet state and its impact on the political and legal development of the country.*

Keywords: *USSR Constitution of 1924; Declaration on the Formation of the USSR; Agreement on the Formation of the USSR; constitutional law; legal regulation; the basic law; sovereignty; state-territorial structure; quasi-confederation; the principle of national self-determination.*

Первая Конституция СССР 1924 г. внесла посильный вклад в ход истории. Если проанализировать исторические события до ее принятия и после, то можно прийти к выводу о том, что данный документ является краеугольным камнем формирования совершенно нового правового и политического образования: Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Первая Конституция была создана в беспокойных и нестабильных условиях после Октябрьской революции, и впоследствии Гражданской войны. Тем не менее она одновременно с этим, заложила прочные структурные основы советского государства и стала совершенно новым опытом образования и развития страны, смелой сменой традиционных парадигм управления.

Однако не стоит концентрироваться на изменениях сугубо в политической сфере, так как Конституция оказала куда более широкое влияние, практически на все сферы жизни. Так, она стала отправной точкой кардинальной переоценки правовой связи государства и народа. Она впервые нормативно закрепляет, пусть в самых общих чертах, свободу, равенство, сосуществование народов посредством сотрудничества. Эти идеи в дальнейшем найдут развитие в Конституции 1936 г., раскрывая данные принципы более детализированно. Нельзя не отметить также закладывание основ национального самоопределения. Само по себе национальное самоопределение является важнейшим элементом национальной политики, направленной на возможность отдельными,

установленным по тому или иному признаку, социальными группами собственными силами принимать решения по ряду вопросов. Другими словами, самоопределение наций — это длящийся процесс, в результате которого народ находит наиболее близкие и подходящие цели, методы и формы проявления своих особенностей с учетом имеющихся обстоятельств и конкретной исторической ситуации. По сути, этот принцип дает плато для реализации выражения коллективного волеизъявления, а также установления своих индивидуальности, самобытности и уникальности.

Закрепление достаточно широких правомочий республик в составе Советского Союза и широкие возможности самоуправления являлись весьма революционными на тот момент. Данный институт часто применяется в международном праве, являясь на данный момент устоявшимся, базовым понятием. Если рассматривать Договор об образовании СССР всё же как международно-правовой акт, в сравнении с другими важными международными документами подчеркивается еще бо́льшая прогрессивность внедрения такого принципа, хотя и в ограниченном формате.

Так, право на самоопределение наций было закреплено в Уставе ООН в 1945 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, а также в международном пакте о гражданских и политических правах в 1966 г. Таким образом, Конституция 1924 г. сделала качественный скачок в закреплении демократических прав народа на самоопределение.

Однако стоит отметить, что первая Конституция в этих аспектах подвергалась и критике. В некоторых исследованиях делается акцент на чрезмерное ограничение гражданских и политических прав и свобод, а также на излишнюю централизацию путем закрепления за центральным аппаратом полномочий практически во всех сферах. Несмотря на это, Конституция 1924 г. всё равно носит новаторский характер и является важным этапом не только России, но всего мира. Ее влияние на историю XX в. сложно переоценить. С одной стороны, она заложила основы нового государства, существенно перекроив карту мира, с другой стороны, она показала новые пути и методы управления, ознаменовала начало эпохи опытов государственно-правового устройства и качественно другого уклада жизни.

Конституция 1924 г. в окончательной редакции была принята II съездом Советов СССР 31 января 1924 г.¹ Она объединяет в себе Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик, а также Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Данные документы стали основой главного закона и фактически продолжали вплоть до распада СССР в 1991 г., хотя юридически Конституция 1924 г. утратила силу с принятием новой — в 1936 г.

Данным составным актам Конституции следует уделить отдельное внимание. Итак, Декларация представляет собой в общем виде обзор причин необходимости создания нового государства, способного гарантировать внутреннюю и внешнюю безопасность на основе свободы и развития. Данный документ подчеркивает добровольность объединения, равноправие и свободный выход из состава. Однако одной Декларации для образования нового государства недостаточно, поэтому ей сопутствует Договор об образовании СССР.

Нельзя не отметить неоднозначность правовой природы договора об образовании. Ведь это напрямую влияет на легитимность процедуры его рассмотрения, принятия и создания нового государства, а также на расторжение и дальнейшее развитие государственно-правовых отношений. На данный момент преобладает точка зрения о международно-правовом характере данного договора, так как он был подписан уполномоченными делегатами независимых на тот момент государств. Такой позиции придерживались И. И. Лукашук, В. Г. Буткевич и др. Существует и другая позиция о том, что договор является внутригосударственным, основным законом, и в момент подписания он перестал носить международно-правовой характер, т.к. стал регулировать отношения между субъектами, изменившими свой статус после

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена резолюцией II Съезда Советов Союза ССР от 31.01.1924) в ред. постановления 2-го Съезда Советов ССР от 31.01.1924 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. № 150.

образования нового государства. Сторонниками данной точки зрения являются О. И. Чистяков, Л. О. Златопольский и др. Некий компромисс между этими точками зрения можно встретить в работах Б. Н. Топорина. Он отмечает, что договор имеет двойственную природу: «с одной стороны, международно-правовую, а с другой — внутригосударственную»².

Однако, несмотря на это, аннулирование данного договора при распаде СССР в 1991 г. состоялось в виде денонсации. Этот аргумент играет в пользу того, что документ является международно-правовым актом. Тем не менее это не исключает того, что в период действия он выполнял задачи и внутригосударственного документа. Таким образом, важно рассматривать вопрос в динамике, с учетом изменяющихся условий и обстоятельств. Так, Р. И. Хасбулатов впоследствии писал, что Союзный договор прекратил свое существование как правовой документ в момент принятия первой Конституции СССР 1924 г.³

Договор структурно содержал 11 глав, отражая основные положения. В главе 1 был представлен перечень полномочий органов государственной власти СССР. Данный список является исчерпывающим. Полномочия же республик определялись достаточно широко и отражали всё, что не включено в компетенцию центра.

Данный документ представляет интерес также с точки зрения суверенитета государства. Этому вопросу посвящена вторая глава Конституции. Она фиксирует суверенные права союзных республик и наличие союзного гражданства. В сущности, сама Конституция является документальным закреплением своеобразного и по-своему самобытного опыта создания уникальной конструкции квазифедеративного государства, заложившего специфичную структуру, присущую новой стране. Стоит отметить, что такая модель не имеет единства характеристики в среде историков. Ей причисляют следующие наименования: «имперский федерализм», «советский федерализм», «унитарная федерация» и др. Данный вопрос является открытым, так как формальное закрепление формы устройства не произошло. Э. Карр писал «В Конституции СССР... слов “федеративный” и “федерация” избегали. Тем не менее Советский Союз по существу был федерацией»⁴.

Изначальные замыслы были основаны на том, что избрание квазифедеративной конструкции, как новой модели формы государственного устройства, запустит процесс европейского или мирового союза. Тем не менее формой территориального устройства была выбрана федерация, но ее никак нельзя было назвать традиционной в своем понимании, так как она имела существенные отличия в виде возможности свободного выхода из состава Союза. Этот факт упрощал принятие решение о вступлении уполномоченных делегатов.

Первоначально И. В. Сталин выдвинул идею о автономизации, согласно которой окраинные советские республики перекалвалифицировались бы в автономные, составные элементы Советской России тем не менее В. И. Ленин отстоял идею о паритетном объединении в новое государство. Однако идея автономности гармонично включилась и в эту модель. В целом же, нельзя не отметить, что она заложила некоторые общие положения существования нынешней ситуации. Они выражаются в единстве подходов.

Согласно ст. 3 гл. 2 Конституции СССР 1924 г. было провозглашено, что каждая союзная республика обладает собственным суверенитетом, она обладает государственной властью и осуществляет ее полностью самостоятельно во всех вопросах за исключением установленных ограничений, отнесенных к компетенции Союза⁵.

² Топорин Б. Н. Новая Конституция СССР — конституция развитого социализма // Новый союзный договор: поиски решений. М., 1990. С. 17–22.

³ Хасбулатов Р. И. К истории появления первого Союзного договора Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву. М. : Яуза Пресс, 2011. С. 245.

⁴ Карр Э. История Советской России : Большевицкая революция 1917–1923. 3-е изд. М. : Прогресс, 1990. Кн. 1, Т. 1–2. С. 117–125.

⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена резолюцией II Съезда Советов Союза ССР от 31.01.1924) в ред. постановления 2-го Съезда Советов ССР от 31.01.1924 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. № 150.

При этом все союзные республики объединены, и это обеспечивается, в том числе тем, наличием общего центра, и тем что Союз охраняет суверенные права республик. Таким образом, суверенитет как верховная власть, отражающая независимость государства принадлежала именно Советскому Союзу, однако республики наделялись весьма широкими полномочиями в вопросах, не подпадающих к компетенции центра.

Согласно классическому пониманию суверенитет — верховенство государственной власти как внутри государства, так и на международной арене. Так, ярким представителем данного взгляда можно считать П. И. Новгородцева, который очень четко отразил основную идею неделимости власти. Он обосновывал это тем, что для верховной власти не просто критически важно, а даже жизненно необходимо препятствовать существованию какой-либо иной власти вообще. Ведь суверенитет основан на исключительности власти над различными проявлениями и формами ее на конкретной территории⁶. В доктрине существует позиция о возможности деления суверенитета на государственный и ограниченный, которым, как раз, обладают отдельные части государства⁷. Интересная позиция отражена в статье Д. М. Худолей. Он приходит к следующим выводам: «центр, обладая всеми атрибутами суверенитета, если и обладает государственным суверенитетом, то только ограниченным»⁸. Тем не менее такое деление суверенитета на государственный и ограниченный вполне обоснованно и наглядно выражалось в компетенции республик в Советском Союзе, и заложило основу действующему положению субъектов, а именно возможности отдельных частей государства действовать в рамках своей компетенции, в том числе в международных взаимоотношениях, самостоятельно. Так, в ст. 4 Конституции РФ указано: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию», при этом Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. А в ст. 73 Конституции РФ: «Вне пределов ведения Российской Федерации... субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти»⁹.

Главы с третьей по девятую определяют правовой статус и порядок формирования различных органов. Глава третья посвящалась верховному органу власти — Съезду Советов. Из формального толкования нормы можно сделать вывод о том, что он не являлся постоянно действующим органом, и в промежутках между созывами Съезда его функции выполнял Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), полномочиям которого посвящена глава Четвертая. В свою очередь, нельзя не отметить сложную структуру центральных органов власти. Так как ЦИК имел постоянно действующий элемент — Президиум, и исполнял роль высшего законодательного, исполнительного и распорядительного органа, так и периодические элементы — Союзный Совет и Совет Национальностей, которые также исполняли законодательную функцию посредством рассмотрения и издания норм. Помимо прочего, исполнительным и распорядительным органом также являлся Совет Народных Комиссаров СССР. Его компетенция определена в главе Шестой. Интересным представляется, что структура определяется через указание народных комиссаров в разных сферах осуществления деятельности государства: от иностранных дел до финансов. В Конституции закреплялись полномочия и судебного органа — Верховного Суда. В его компетенцию входили дача разъяснений, решение споров между республиками и пр. Это нашло отражение в седьмой главе.

Следующая глава определяла положение народных комиссариатов, чья функция заключалась в руководстве отдельными отраслями управления.

⁶ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М.: Унив. тип., 1901. С. 241.

⁷ Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен: монография. М.: Аргмак-Медиа, 2013.

⁸ Худолей Д. М. Суверенитет или автономия? // Вестник Пермского университета. 2011. С. 50.

⁹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

Девятая глава регламентировала установление Объединенного Государственного Политического Управления с целью борьбы с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. Десятая глава закрепила конституционно-правовой статус союзных республик, закрепила органы, осуществляющие управление. Так, в каждой республике был съезд советов, а между ними центральный исполнительный комитет. Глава закрепляла взаимодействие центральных органов власти с органами республик. Одиннадцатая глава устанавливала символику СССР — герб, флаг, столицу.

Итак, Конституция СССР 1924 г. структурировала правовые основы новой страны, утверждая ее федеративную форму управления и республиканскую систему правления. Однако она возникла как результат соглашений в определенный момент истории, и нельзя сказать, что такая форма правления полностью отображала действующее положение, ведь это не позволяло полностью учесть национальную многообразность государства, автономию республик. По этой причине, возникают споры касательно фактической формы государственного управления.

В целом же, этот документ стал отправной точкой существования совершенного нового политико-правового образования, просуществовавшего практически 70 лет. Конституция СССР 1924 г. сильно отличалась от последующих верховных законов, но заложила основополагающий фундамент, отголоски которого можно увидеть и в законах в настоящий момент.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Карр Э. История Советской России: Большевистская революция 1917–1923. Кн. 1, Т. 1–2. — 3-е изд. — М.: Прогресс, 1990.
2. Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен: монография. — М.: Аргамак-медиа, 2013. — 240 с.
3. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. — М.: Унив. тип., 1901.
4. Топорин Б. Н. Новая Конституция СССР — конституция развитого социализма // Новый союзный договор: поиски решений. — М., 1990. — с. 17–22.
5. Хасбулатов Р. И. К истории появления первого Союзного договора Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву. — М.: Яуза Пресс, 2011.
6. Худoley Д. М. Суверенитет или автономия? // Вестник Пермского университета. — Пермь, 2011.

REFERENCES

1. Karr E. History of the Soviet Russia: Bolshevik Revolution of 1917–1923. Book 1. Vol. 1-2. 3rd ed. Moscow: Progress Publ.; 1990. (In Russ.).
2. Kuznetsova E. Elusory Sovereignty: The Status Quo versus the Ideology of Change. Moscow: Argamak-Media Publ.; 2013. (In Russ.).
3. Novgorodtsev PI. Kant and Hegel in their teachings on law and the State. Moscow: University Publishing House; 1901. (In Russ.).
4. Toporin BN. The new Constitution of the USSR — the constitution of developed Socialism. In: The New Union Treaty: Finding Solutions. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Khasbulatov RI. To the history of the appearance of the first Union Treaty Half-life of the USSR. How the superpower was destroyed. Moscow: Yauza Press; 2011. (In Russ.).
6. Khudoley DM. Sovereignty or Autonomy? *Perm State University Herald*. Perm; 2011. (In Russ.).

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР

Кащенко Андрей Сергеевич,

магистрант Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 4-й уч. корп.

andreykaschenkohistorian@gmail.com

© Кащенко А. С., 2024

Аннотация. В статье представлен историко-правовой анализ особенностей первой советской Конституции, принятой II Съездом Советов СССР 21 января 1924 г. Конституция 1924 г. рассматривается как основополагающий правовой документ нового социалистического государства. Первая Конституция СССР станет политико-правовым базисом для институционализации советских органов государственной власти. В статье анализируются главы Конституции СССР, которые регулировали деятельность главных политических институтов законодательной, исполнительной и судебной власти СССР. Особое внимание уделяется описанию компетенций съезда Советов СССР, ЦИК СССР, СНК СССР и Верховного суда СССР. После проведения историко-правового анализа демонстрируется несоответствие политических практик положениям Конституции 1924 г. о подотчетности исполнительных органов власти институтам законодательной власти. Делается акцент на том, что ВКП(б) имела существенную роль в государственном управлении, но не была упомянута в Конституции 1924 г. Отмечается, что, несмотря на особенности реализации конституционных норм на практике, признается значимость Конституции 1924 г. в области закрепления компетенций за ветвями власти СССР. Первая советская Конституция разграничила сферы ведения исполнительной, законодательной и судебной властей. Разграничение компетенций ЦИК СССР, СНК СССР и Верховного Суда СССР было декларировано в Конституции 1924 г., несмотря на то, что ее разработчики были противниками политико-правовой теории разделения властей. В заключение статьи о Конституции 1924 г. делается вывод о том, что принятие первой советской Конституции способствует закреплению компетенций за органами государственной власти и ускорит процесс международного признания СССР.

Ключевые слова: государство; право; конституция; конституционализм; закон; норма; правовой документ; разделение властей; международное признание; СССР.

POLITICAL AND LEGAL FEATURES OF THE FIRST CONSTITUTION OF THE USSR

Andrey S. Kashchenko,

Master's Student, Lomonosov Moscow State University

andreykaschenkohistorian@gmail.com

Abstract. The paper carries out a historical and legal analysis of the features of the first Soviet Constitution, adopted by the 2nd Congress of Soviets of the USSR on 21 January 1924. The 1924 Constitution is considered as the fundamental legal document of the new socialist State. The first Constitution of the USSR would become the political and legal foundation for the institutionalization of Soviet government bodies. The author analyzes the chapters of the Constitution of the USSR that regulated the activities of the main political institutions of the legislative, executive and judicial authorities of the USSR. Particular attention is paid to describing the competencies of the Congress of Soviets of the USSR, the Central Executive Committee of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Court of the USSR. After conducting a historical and legal analysis, the author demonstrates the inconsistency of political practices with the provisions of the 1924 Constitution on the accountability of executive bodies to the institutions of the legislative branch. It is emphasized that the CPSU (b) had a significant role in public administration, but was not mentioned in the 1924 Constitution. It is noted that, despite the peculiarities of the implementation of constitutional norms in practice, the importance of the 1924 Constitution in the field of assigning competencies to the branches of government of the USSR is recognized. The first Soviet Constitution delimited jurisdictions of the executive, legislative and judicial authorities. The delimitation of competencies of the Central Executive Committee of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Court of the USSR was declared in the Constitution of 1924, despite the fact that its developers were opponents of the political and legal theory of the separation of powers. The author concludes that the adoption of the first Soviet Constitution would contribute to the consolidation of competencies for state authorities and accelerate the process of international recognition of the USSR.

Keywords: State; law; constitution; constitutionalism; law; norm; legal document; separation of powers; international recognition; USSR.

Конституция 1924 г. стала первым юридическим опытом создания основополагающего политико-правового документа социалистического государства. Первая общесоюзная Конституция в целом во многом соответствовала революционному духу эпохи, который был заложен еще в Конституции РСФСР 1918 г. Создание главного общесоюзного правового документа будет способствовать международному признанию СССР, период которого займет около 10 лет. Таким образом, принятие Основного закона на II съезде Советов СССР положительно скажется на признании другими странами государственного суверенитета СССР в 1920–1930-х гг.

Рассмотрим особенности создания Конституции СССР 1924 г. Подготовка окончательного текста Основного закона проводилась под руководством М. И. Калинина, возглавлявшего ЦИК СССР, который выполнял функцию союзного парламента. В ходе разработки текста значительный вклад внесли Д. И. Курский (глава народного комиссариата юстиции) и П. И. Стучка (глава Верховного Суда РСФСР)¹. Особенностью Конституции 1924 г. станет юридическое отражение вновь созданного государства, которое конституировалось 30 декабря 1922 г. С этим связано особое значение

¹ Сто лет назад была принята Конституция СССР // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/01/31/pod-flagom-prava-i-svobody.html> (дата обращения: 30.06.2024).

«Декларации об образовании СССР» и «Договора об образовании СССР», которые были утверждены на I съезде Советов СССР, произошедшем в конце декабря 1922 г. Включение этих документов в текст Конституции 1924 г. в виде первого и второго разделов свидетельствовало о договорном характере создания СССР. В Конституции подтверждался добровольный характер союза советских республик.

Перейдем к историко-политическому анализу особенностей Конституции 1924 г. Первая союзная Конституция полностью соответствовала революционному духу времени, так как включала в себя трактовку сущности социалистического и капиталистического обществ. Противоречия между капитализмом и социализмом будут указаны в самом начале Конституции — «Декларации об образовании СССР» (1 раздел Основного закона), которая имела прежде всего не нормативно-правовой, а политический характер.

Раздел 1 Конституции 1924 г.² гласил, что «там, в лагере капитализма, национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь, в лагере социализма, взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов».

Фактически первая Конституция СССР стала не только главным политико-правовым документом, но и средством пропаганды социалистического строительства в отдельно взятой стране. Включение ценностных оснований социализма в текст Конституции было обусловлено деятельностью Коммунистического Интернационала и сильным рабочим движением в западных странах. «Декларация об образовании СССР» может быть рассмотрена как вступительная часть Основного закона — преамбула, которая сейчас содержится во многих конституциях государств мира.

Рассмотрим противоречия между различными органами советской власти, которые возникли при разработке текста Основного закона конституционной комиссией. Советская Конституция 1924 г. стала компромиссом между силами централизации и децентрализации субъектов в рамках союзного государства. Над Основным законом работали Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР, Совет народных комиссаров (СНК) СССР и всесоюзный Съезд Советов. Силы децентрализации преимущественно были представлены ЦИК СССР, который настаивал на даровании правовых гарантий автономии союзным и автономным республикам. Это было вызвано тем, что ЦИК СССР как представительный орган был призван отстаивать интересы субъектов союзного государства — союзных и автономных республик. Сторонники централизации были в основном представлены СНК СССР, который выполнял функцию союзного правительства. Съезд Советов СССР занимал по данному вопросу неоднозначную позицию, так как там были представлены сторонники как централизации, так и децентрализации. Противоречия между ветвями власти в ходе создания Конституции приведут к тому, что в документе будут присутствовать признаки как федеративного, так и унитарного государства.

Статья 1 Конституции СССР закрепила prerogative союзного ведения. К ведению союзного центра относились внешняя политика, руководство вооруженными силами и государственная бюджетная политика. Статья 2 закрепила исключительное право Съезда СССР на внесение поправок в Конституцию, что не позволяло органам союзных республик воздействовать на изменения в национальном праве. Однако, по мнению О. И. Чистякова, у союзных республик оставалась автономия. «Остальные ничем не ограниченные возможности оставались за республиками — членами союзного государства. Это обеспечивало свободное развитие Союза, и его членов — союзных республик»³.

Конституция СССР 1924 г. также способствовала описанию prerogative различных политических институтов. Согласно главе 3 Основного закона, съезд Советов СССР был провозглашен «верховным органом власти Союза Советских Социалистических

² Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик 1924 года. М. : ЦИК СССР, 1925.

³ Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 года : учеб. пособие. М. : Зерцало, 2004. С. 189.

Республик». Решения съезда Советов имели высшую юридическую силу на территории СССР. Съезд Советов как политический институт превалировал над всеми другими ветвями государственной власти. Статус съезда Советов был связан с принципами диктатуры пролетариата и сотрудничества народов, которые были ранее закреплены в Декларации об образовании СССР.

Значительные полномочия были переданы ЦИК СССР, который, согласно главе 4 Конституции, «в перерывах между съездами Советов СССР осуществлял верховную власть в государстве». Это впоследствии сделало главу ЦИК — М. И. Калинина — формальным главой СССР, так как он будет руководителем законодательной власти СССР до 1946 г.

Отдельное внимание в главе 5 Конституции было уделено компетенциям Президиума ЦИК СССР, члены которого имели существенное влияние в процессе принятия решений. Следующие Конституции СССР (1936, 1977 гг.) сохраняют за Президиумом нового законодательного органа (Верховный Совет СССР) высшие законодательные и распорядительные компетенции.

Деятельности союзного правительства — СНК СССР — была посвящена глава 6 Основного закона, согласно которой данный орган власти юридически был подчинен законодательной власти. Ответственность СНК перед ЦИК ставила законодательную власть формально выше исполнительной власти.

Глава 8 Конституции была посвящена разграничению ведения союзных народных комиссариатов и объединенных народных комиссариатов. Союзные народные комиссариаты соответствовали сферам союзного ведения, которые были указаны в ст. 1 Конституции. К объединенным народным комиссариатам, которые были в области ведения союзных республик, отошли высший совет народного хозяйства (ВСНХ), народные комиссариаты продовольствия, труда, финансов, а также рабоче-крестьянской инспекции, сотрудники которой составляли отдельный правительственный орган. Также надо упомянуть об институционализации 10 республиканских наркоматов, которые, согласно главе 10 Конституции, становились основой республиканских СНК⁴.

Судебная власть союзного государства, согласно главе 7 Конституции, сосредотачивалась в рамках Верховного Суда СССР, имевшего обширные правовые компетенции. Данный орган обладал высшей судебной властью, так как имел возможности давать разъяснения республиканским судам в области общесоюзного законодательства. Верховный Суд СССР способствовал разрешению судебных споров между союзными республиками, и мог обращаться в ЦИК СССР, чтобы опротестовать решения и постановления верховных судов союзных республик. По мнению О. И. Чистякова, Верховный Суд СССР «был вершиной судебной системы всего Союза и был связан с судебной системой членов Федерации сложными узами»⁵.

Однако, несмотря на закрепление компетенций трех ветвей власти в различных главах, авторы Конституции 1924 г. были противниками разделения властей. «Советская власть является одновременно властью законодательной, исполнительной, а равно и судебной. Она не отрицает деления труда, но отказывается от теорий независимости одной власти от другой»⁶.

Принятие в 1924 г. союзной Конституции поспособствовало институционализации союзных органов государственной власти, и закреплению за ними соответствующих компетенций. Однако многие положения высшего нормативного правового акта не соответствовали фактическим компетенциям органов власти СССР. Несмотря на подчиненность СНК решениям Съезда Советов и ответственность перед ЦИК, союзное правительство стало ключевым актором государственной политики. ВКП(б),

⁴ Рошин Б. Е. Конституция СССР 1924 года: основные положения и особенности (к 90-летию принятия первой Конституции советского Союза) // Вестник Костромского государственного университета. 2014. С. 191.

⁵ Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 года : учеб. пособие. М. : Зерцало, 2004. С. 191.

⁶ Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига : Латвийское государственное издательство, 1964. С. 262.

которая даже не была упомянута в тексте Конституции 1924 г., являлась структурой, которая определяла общий политический курс СССР.

Надо признать важность закрепления компетенций за ветвями власти СССР. Создание Основного закона позитивно скажется на международном статусе СССР, что создаст юридические основания для международного признания первого социального государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Рощин Б. Е. Конституция СССР 1924 г.: основные положения и особенности (к 90-летию принятия первой Конституции советского Союза) // Вестник Костромского государственного университета, 2014. — С. 189–193.
2. Сто лет назад была принята Конституция СССР // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2024/01/31/pod-flagom-prava-i-svobody.html> (дата обращения: 30.06.2024).
3. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. — Рига: Латвийское государственное издательство, 1964. — 784 с.
4. Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 г. : учеб. пособие. — М. : Зерцало, 2004. — 224 с.

REFERENCES

1. Roshchin BE. USSR Constitution of 1924: basic provisions and features (to the 90th anniversary of the adoption of the first Constitution of the Soviet Union). *Vestnik of Kostroma State University*; 2014. (In Russ.).
2. A hundred years ago, the Constitution of the USSR was adopted. *Rossiyskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2024/01/31/pod-flagom-prava-i-svobody.html> [Accessed 30.06.2024]. (In Russ.).
3. Stuchka PI. Selected works on Marxist-Leninist theory of law. Riga: Latvian State Publishing House; 1964. (In Russ.).
4. Chistyakov OI. The Constitution of the USSR of 1924. Moscow: Zerzalo Publ.; 2004. (In Russ.).

ЗНАЧИМЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ЭПОХУ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Чупилкина Айгуль Фаридовна,

кандидат юридических наук, доцент, член Самарского регионального отделения
ООО «Ассоциация юристов России»

aygul8@yandex.ru

© Чупилкина А. Ф., 2024

Аннотация. В представленном материале воспроизведены экономические институты, которые выдали поражающие ум экономические результаты в развитии советской государственности: Госплан СССР, всенародное достояние, право на труд. Двигателем советского экономического чуда, который не имел аналогов в мировой экономической и политической истории, был Госплан СССР. Ядром экономических интересов, потребностей является институт права собственности. Право собственности — главный институт в экономической организации государственности. Юридически советскую эпоху начинали конституционные новации, где частная собственность и весь земельный фонд был объявлен общенародным (всенародным, национальным) достоянием. Эта историко-политическая нить воспроизводилась в законодательстве Советского Союза на протяжении всего его существования и была взаимосвязана с результатами работы Госплана СССР: объектами планирования советского экономического развития было прежде всего всенародное достояние, а главными субъектами планового рынка являлись крупнотоварные государственные предприятия, организованный на базе всенародного достояния, создающие высокий доход для развития высоких темпов индустриальной экономики и повышающие жизненный уровень населения. Право на труд в 70-летнем масштабе истории СССР право на труд и его государственная обеспеченность имели безусловный социально-экономический эффект как для граждан, так и для страны в целом. Конституционно гарантированное право на получение работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством действительно обеспечивалось социалистической организацией народного хозяйства. Самую значительную роль в росте трудящихся играли пятилетние планы развития народного хозяйства — т.н. «пятилетки». Автор призывает не забывать достижения экономической системы прошлого, а также подмечает, что колоссальное значение в экономическом движении страны имеет как человеческий фактор в целом, так и роль отдельной личности — главы государства, исторически определяющий вектор для жизнедеятельности всего государственного организма.

Ключевые слова: Госплан СССР; пятилетки; всенародное достояние; право на труд; Конституции СССР 1924 г.; советские конституции; экономический строй; плановая экономика; рыночная экономика; достижения советской экономической системы.

SIGNIFICANT ECONOMIC INSTITUTIONS IN THE ERA OF THE SOVIET STATE

Aygul F. Chupilkina,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, member of the Samara regional branch of «Association of Lawyers of Russia»

aygul8@yandex.ru

Abstract. *The paper describes the economic institutions that gave striking economic results in the development of Soviet statehood: the USSR State Planning Commission, the national heritage, the right to work. The USSR State Planning Commission was the engine of the Soviet economic miracle that had no analogues in world economic and political history. The core of economic interests and needs is the institution of property law. Ownership is the main institution in the economic organization of statehood. Legally, the Soviet era began constitutional innovations, where private property and the entire land fund was declared a national (peoples') heritage. This historical and political thread was reproduced in the legislation of the Soviet Union throughout its existence and was interconnected with the results of the work of the USSR State Planning Commission: the objects of planning for Soviet economic development were primarily the national heritage, and the main subjects of the planned market were large-scale state enterprises organized on the basis of the national heritage, creating high income for the development of high rates of industrial economy and raising the living standards of the population. The right to work on a 70-year scale of the history of the USSR, the right to work and its state security had an unconditional socio-economic effect both for citizens and for the country as a whole. The constitutionally guaranteed right to paid work in accordance with its quantity and quality was indeed provided by the socialist organization of the national economy. The most significant role in the growth of workers was played by five-year plans for the development of the national economy — the so-called «five-year plans.» The author urges not to forget the achievements of the economic system of the past, and highlights that both the human factor as a whole and the role of an individual — the Head of State who historically determines the vector for the life of the entire state organism — is of tremendous importance in the economic movement of the country.*

Keywords: *USSR State Planning Commission; five-year plans; national property; the right to work; the USSR Constitution of 1924; Soviet constitutions; economic system; planned economy; market economy; achievements of the Soviet economic system.*

Коллеги кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) традиционно проводят интереснейшие мероприятия с такой разносторонней проблематикой, в которой каждый ученый и практик может найти свой профессиональный интерес или интерес гражданина, небезразлично относящегося к судьбе своей Родины. При этом внешнее разнообразие тем конференций, дискуссионных клубов, мастер-классов, круглых столов, панельных дискуссий, семинаров работает на одну единую большую цель — выявление возникавших неувязок прошлого либо, наоборот, реанимация образцовых примеров забытых, но хорошо работавших когда-то (или заброшенных — в связи с новыми веяниями настоящего) институтов и на базе анализа этой исторической палитры — решение российских государственных задач будущего. Всероссийский круглый стол, посвященный 100-летию принятия первой союзной Конституции, совершенно созвучен с темой российского исторического выбора между Европой и Азией, исследованием ценностных констант нашей цивилизации «Россия — Евразия», непрекращающимися поисками национальной идеи и государственной идеологии, разносторонним анализом ретроспективы политики Российского государства и места в нем права, исторического опыта права и закона, трансформации идей и образов в истории юридической науки. Ведь Конституция — не что иное, как «паспорт» новой соци-

ально-экономической и политической жизни государства, а порой и «паспорт» нового государства, возникшего на обломке эпох. Этот «паспорт» является и его личной самоидентификацией, и идентификацией цивилизационного, окружающего государство мирового пространства.

Так сложилось, что к Конституции СССР 1924 г. много претензий по государственно-правовой организации. За последние несколько лет, а также с особой активностью — с начала 2024 г. в материалах, интервью, приуроченных к большому конституционному юбилею, было озвучено много полярных точек зрения в ракурсе достоинств, недостатков данного акта или приоткрытия «завес» относительно его принятия. Следует отметить таких авторов: Е. П. Барина¹, В. И. Клисторин², П. Крашенинников³, А. Лукин⁴, О. Д. Максимова⁵, А. Н. Медушевский⁶, Б. Е. Рошин⁷, В. Томсинов⁸. В статусе авторов трудов, где фигурирует анализ Конституции СССР 1924 г. и которые уже можно назвать классическими, следует назвать С. А. Авакьяна⁹, Ю. С. Кукушкина¹⁰, О. И. Чистякова¹¹. Конечно, есть и другие работы, пик которых приходится на 1920–1930-е гг. и носящих пропагандистский характер, исходящих из идеологических воззрений того периода. Далее идет временной отрезок с работами, систематизирующими советское законодательство, со своеобразным рубежом, связанным с развенчанием культа личности И. В. Сталина. Рассекречивание документов, архивные источники, сыграли большую роль в оценке условий принятия первой Конституции Союзного государства уже в современное время. Немаловажным для настоящего момента является своего рода временной «взгляд со стороны» — когда у нас проходит упоение от обещаний рыночных реформаторов, полностью ушли надежды от «саморегулируемости» рыночной экономики, а все новые испытания дают нам немного мудрости и мотивируют посмотреть новым взглядом на исторические обстоятельства и созданные институты прошлого — как нам кажется, отжившими в связи с новыми веяниями, либо совсем забытыми.

¹ Барина Е. П. Конституция СССР 1924 года в историко-правовых исследованиях // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2 (53). С. 15–19.

² Клисторин В. И. Номинальное право в Советской России: Конституция 1924 г. и Гражданский кодекс 1922 г. // ЭКО. 2023. № 1. С. 8–23.

³ Крашенинников П. Сто лет назад была принята Конституция СССР. URL: <https://rg.ru/2024/01/31/pod-flagom-prava-i-svobody.html> (дата обращения: 30.06.2024).

⁴ Лукин А. 2024 — год столетия первой Конституции СССР! // URL: <https://xn--j1akbb.xn--p1acf/2024/03/12/2024-%D0%B3%D0%BE%D0%B4-%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D1%81/> (дата обращения: 30.06.2024).

⁵ Максимова О. Д. Разработка и обсуждение проекта первой Конституции СССР в комиссии ЦИК СССР (июнь 1923 г.) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2011. № 4. С. 88–94.

⁶ Медушевский А. Н. Конституция 1924 года: как и где были заложены причины крушения СССР? Часть 1 ; Часть 2 // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1 (104). С. 117–129 ; 2015. № 2 (105). С. 118–131.

⁷ Рошин Б. Е. Конституция СССР 1924 года: основные положения и особенности (к 90-летию принятия первой Конституции Советского Союза) // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 189–193.

⁸ Томсинов В. Эта история — целый детектив // URL: <https://e-news24.ru/2024/01/31/eta-istoriia-celyi-detektiv-doktor-uridicheskikh-nayk-vladimir-tomsinov-o-pervoi-sovetskoi-konstitycii-1924-goda/> (дата обращения: 30.06.2024).

⁹ Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М. : РЮИД, Сашко, 2000.

¹⁰ Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1987.

¹¹ Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 года : учеб. пособие. М. : Зерцало-М, 2004.

Да, к 1990-м гг. Советское государство подошло с плохой товарной обеспеченностью и солидными вкладами на счетах почти каждого своего гражданина. При поиске недостатков в нормах советских конституций или законодательстве в целом, не следует забывать о сложном комплексе политических и социально-экономических явлений — и в этом мы абсолютно согласны с А. Лукиным. Добавим, что колоссальное значение имеет как человеческий фактор в целом, так и роль отдельной личности — главы государства, исторически являющимся векторным для жизнедеятельности всей страны. И сколько бы мы не выстраивали работающие государственные институты, ветви власти — они все начинают работать по модели, определяемой первым лицом.

Вспомним, однако, те экономические институты, которые выдали поражающие ум экономические результаты в развитии советской государственности: Госплан СССР, всенародное достояние, право на труд. Были и другие социально-экономические институты, оформленные юридически, берущие свои начала в векторе, определяемом Основным законом страны, но, во-первых, мы учитываем ограниченный объем изложения, во-вторых, расцениваем их как определяющие для экономического, а значит, государственного движения.

1. Надо признать очевидный факт того, что так называемый «сталинский» период правления — это период советского экономического чуда. Определим реплики оппонентов — безусловно, автор знает историю и не одобряет политические и человеческие драмы сталинского режима (массовые политические репрессии, тандем из государственных органов и правящей партии, цензуру и пр.). Но мы ведем речь именно о советском экономическом чуде, которому не было аналогов в мировой экономической и политической истории, который внушал ужас капиталистическому лагерю и угрозу его экономическому, а значит, политическому существованию. Двигателем этого экономического чуда был Госплан СССР. Идейным вдохновителем и создателем советской программы Госплана был Г. Кржижановский, который следом инициировал и знаменитые пятилетки. Госплан РСФСР начал свою работу с 1921 г., затем трансформировался в Госплан СССР — с 1923 г. Пятилетние планы развития народного хозяйства СССР начали отсчет с 1928 г. и стали основной формой планирования государственного социально-экономического развития до конца существования Советского государства — до 1991 г.

Успехи каждой из пятилеток мы приводить не будем — они есть во многих открытых источниках. В общих чертах: в 1922 г. — в год, предстоящий образованию Госплана, доля Советского государства в мировом промышленном производстве составляла 1 %; в 1974 г. (на четвертый год девятого пятилетнего плана, и с учетом гигантских экономических затрат и потерь во время ВОВ) — 20 %. Значительная часть отраслей промышленности СССР в мире стало занимать передовые позиции по объему производства. Мировая история увидела новую модель экономической оптимизации на уровне всего общества. Документальное воспроизведение истории свидетельствует не о боязни советской военной угрозы, а о боязни советской экономической угрозы со стороны руководителей т.н. ядерных держав. При этом раскритикованное ими и разрушенное государственное планирование в XX–XXI вв. перенято у советской системы и применяется сейчас во многих зарубежных странах — критиках той самой советской экономической модели.

Нам же следует признать, что оттепель Н. С. Хрущева, подорвавшая советское сельское хозяйство; застой Л. И. Брежнева, вызвавший «застой» экономики из-за замкнутая клановости партократии; перестройка М. С. Горбачева и развалившая экономику демократизация Б. Н. Ельцина подтверждают то, что была неэффективной не государственно-плановая экономическая модель, а формы и методы ее применения и «обновления» на последующих этапах развития страны, в которых ведущим звеном являлась роль первого лица.

Заметим также, что экономическое планирование применяется и в России (на уровне нормативных правовых актов и в практической реализации). Вопрос о результатах возвращает нас к истокам — формам и методам применения и «обновления»

на сегодняшнем этапе развития страны и принципиальной разнице в экономической системе. В самом начале гл. 1, в п. «з» ст. 1 первой союзной Конституции СССР 1924 г. появилось отнесенное к ведению СССР в лице его верховных органов «установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключение концессионных договоров, как общесоюзных, так и от имени союзных республик»¹². Следовательно, образовавшееся союзное советское государство было в своем Основном документе 1924 г. было определено как государство с плановой экономикой. Экономическая система с набором ее составляющих в ст. 8 Конституции РФ 1993 г. демонстрирует принципы рыночной экономики. Советская экономика была самодостаточной и изолированной от окружающего мира — признаем, что мировой экономический кризис 1930-х гг., затронувший как ведущие капиталистические страны, так и многие другие, СССР даже не заметил — благодаря отсутствию «встроенности» в мировую экономическую систему. Что же касается современного присутствия «встроенности» в мировую экономическую систему — то с начала 1990-х гг. Россия понесла колоссальные потери от всех глобальных финансово-экономических кризисов (к примеру, одним из самых болезненных был кризис Восточной и Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг.).

2. Ядром экономических интересов, потребностей является институт права собственности. Собственность является системообразующим понятием для любого государственного правопорядка. Право собственности — главный институт в экономической организации государственности. Советская идеология марксизма-ленинизма была научно выстроена как антагонизм капитализму — социально-экономической системы, основанной на праве частной собственности. Юридически советскую эпоху начинала Конституция РСФСР 1918 г., где в ст. 3 частная собственность (как следует понимать — собственность «эксплуататоров», капиталистов) и весь земельный фонд был объявлен общенародным достоянием и передан «трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования»¹³. В Конституции СССР 1924 г. такого термина, как «всенародное», или «национальное» достояние не было, не упоминался даже термин «собственность». При этом «установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей территории» СССР отнесено к предмету ведения верховных органов власти СССР (ст. 1). Однако в предваряющем Конституцию Гражданском кодексе 1922 г. обозначен следующий правовой режим: «Земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота. Владение землею допускается только на правах пользования» (ст. 21); и далее мы видим, что «Земля, недра, леса, воды, железные дороги общего пользования, их подвижной состав и летательные аппараты могут быть исключительно собственностью государства» (ст. 53)¹⁴. Далее Конституции СССР 1936 г. и 1977 г. воспроизводили эту историко-политическую нить. Нормы Конституции РФ 1993 г. не говорят о принадлежности земли и ее ресурсов ни гражданам, ни нации, ни проживающим народам.

Эта краткая конституционная ретроспектива института всенародного достояния приведена в связи со взаимосвязанностью результатов работы Госплана СССР, базирующегося на работе социалистической собственности различных видов. Объектами планирования советского экономического развития было прежде всего всенародное достояние, а главными субъектами планового рынка являлись крупнотоварные

¹² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31.01.1924) (с изм. и доп.) (прекратила действие) // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.

¹³ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07.1918) (прекратила действие) // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

¹⁴ Гражданский кодекс РСФСР (принят на IV сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва 31 октября 1922 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

государственные предприятия, организованный на базе всенародного достояния, создающие высокий доход для развития высоких темпов индустриальной экономики и повышающие жизненный уровень населения.

3. Информация о рекордных уровнях безработицы в 2023–24 гг. (в I квартале 2024 г. официальное количество безработных равно 2 млн чел.)¹⁵ заставляют нас обратиться к важнейшему социально-экономическому институту прошлого — советскому праву на труд (обязанности трудиться). В значительной степени институт безработицы связан с уровнем бедности. В 1989 г. 14 млн человек, проживающих за чертой бедности, жили в Восточной Европе, включая европейскую часть СССР. В 1996 г., после проведенных рыночных реформ, встроенности в мировую экономическую систему, на той же территории — 168 млн человек, проживающих за чертой бедности. В самом начале XXI в. был издан доклад ООН о бедности, где данная ситуация названа самым масштабным и страшным погромом среднего слоя в XX в.

Лаконично воспроизведем советскую конституционную нить, связанную с институтом труда. Пункт «е» ст. 3 Конституции РСФСР 1918 г. вводит всеобщую трудовую повинность «в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства». Конституция СССР 1924 г. такой прямой формулировки, как «трудовая повинность», «право на труд» или соответствующей «трудовой обязанности» не употребляет, однако сходство идей с предыдущей Конституцией абсолютно прослеживается и раздел 1, состоящий из Декларации, начинается с констатации деления государств мира на два лагеря: капитализма и социализма, и далее совершенно понятно, что «строение Советской власти» составляют «трудящиеся массы советских республик», в «Мировую Социалистическую Советскую Республику» шагают «объединения трудящихся всех стран». В разделе 2 утверждаются верховные и центральные республиканские органы власти по вопросам труда, их предметы ведения (п. «р» ст. 1, ст. 37, ст. 52, ст. 67, ст. 68). Статья 2 Конституции СССР 1936 г. гласит о составляющей политическую основу СССР — «Советы депутатов трудящихся», по ст. 3 «Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни»; ст. 12 содержит знаменитую и до сих пор часто цитируемую формулировку «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает — тот не ест»» и провозглашается принцип социализма: «От каждого по его способности, каждому — по его труду»; глава X — об основных правах и обязанностях граждан с первой же ст. 118 расшифровывает право на труд как «право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством. ...обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил... устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы». Конституция СССР 1977 г. содержала отдельную главу об экономической системе (гл. 2) в которой одной из предметных является ст. 14, где «свободный от эксплуатации труд советских людей» идентифицирован как источник роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека; повторяется принцип социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду», а определяющим положение человека в обществе называется «общественно полезный труд».

Конечно, такая твердая конституционно-политическая позиция по труду внутри Социалистического государства имела не самое легкое начало претворения в жизнь. К примеру, Л. Е. Лаптева освещает сложности воплощения правообязанности трудиться от первой Советской конституции¹⁶. Но можно ли ожидать легкого пути реализации задуманных норм в условиях идущей Гражданской войны, внутреннем расколе общества, претворяемой новой экономической политики, создании союзного государства и пр.? При этом в 70-летнем масштабе истории СССР право на труд и его

¹⁵ В России обновился исторический уровень безработицы // URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/04/2024/662d101f9a79472ebcc1f3d1> (дата обращения: 30.06.2024).

¹⁶ Лаптева Е. И. Право на труд в первой Советской конституции // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 3. С. 115–121.

государственная обеспеченность имели безусловный социально-экономический эффект как для граждан, так и для страны в целом.

В 1937 г. И. В. Сталин беседовал с председателем американского газетного объединения «СкриппсТовард Ньюспейперс» Рой Говардом. Приведем его убедительную аргументацию: «Мне трудно представить себе, какая может быть “личная свобода” у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда. Настоящая свобода... имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода»¹⁷.

Из года в год в СССР численность работающих и служащих возрастала на 1,5–2 млн чел. Самую значительную роль в росте трудящихся играли пятилетние планы развития народного хозяйства — пятилетки. Во внимание принимались место, рост объема производства и производительности труда, а также задания в области культурного строительства. Подсчитывалось необходимое количество трудящихся. Конституционно гарантированное право на получение работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством действительно обеспечивалось социалистической организацией народного хозяйства.

Одной из самых чувствительных тем для каждой российской семьи является Великая Отечественная война. Следует отметить преимущества социалистической системы хозяйства, которые сильно проявились при переходе государства к мирному времени: все демобилизованные из Советской Армии получали работу с учетом их квалификации беспрепятственно и без промедлений. Обратно, в ряде капиталистических стран демобилизация привела к массовой безработице.

Автор совершенно не идеализирует советскую модель плановой экономики и прочие институты советского хозяйствования. Например, в планировании экономики были как объективные трудности, так и недостатки субъективного характера. Присутствовала явная диспропорция: избыток тяжелой и оборонной промышленности при недостатке производства товаров и услуг для населения. Но такие диспропорции были преодолимы при совершенствовании экономического управления. И как уже было отмечено, советские экономические институты имели явные провалы, зачастую обусловленные ролью первого лица и рукотворностью конечного экономического спада. При всем этом мы не должны забывать достижения экономической системы прошлого: а) преодолено драматическое имущественное расслоение населения; б) отсутствовала безработица и страх людей потерять работу; в) население страны не знало экономических кризисов; г) уверенная экономическая база служила основой для всеобщего доступа к социальным благам: образованию, здравоохранению, культуре.

На сегодняшний день стало совершенно очевидным то, что модель «рынок сам все решает» — не оправдалась. Всё чаще мы обращаемся к теме государственного воздействия на экономические процессы. Возможно, сто́ит оглянуться и поискать полезные экономические институты в прошлом — институты, которые были закреплены всеми Конституциями Великого Советского государства, обратиться к которым нас вдохновил 100-летний юбилей первой союзной Конституции СССР 1924 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — 2-е изд. — М. : РЮИД, «Сашко», 2000. — 528 с.
2. Баринаева Е. П. Конституция СССР 1924 года в историко-правовых исследованиях // Вестник Самарского юридического института. — 2023. — № 2 (53). — С. 15–19.

¹⁷ Цит. по: Беседы об общественном и государственном устройстве СССР / ред. колл.: И. Т. Голяков, К. П. Горшенин, С. И. Мурашев. М. : Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1945. С. 123.

3. Беседы об общественном и государственном устройстве СССР / ред. колл.: И. Т. Голяков, К. П. Горшенин, С. И. Мурашев. — М. : Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1945. — 320 с.
4. В России обновился исторический уровень безработицы // URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/04/2024/662d101f9a79472ebcc1f3d1> (дата обращения: 30.06.2024).
5. Клисторин В. И. Номинальное право в Советской России: Конституция 1924 г. и Гражданский кодекс 1922 г. // ЭКО. — 2023. — № 1. — С. 8–23.
6. Крашенинников П. Сто лет назад была принята Конституция СССР // URL: <https://rg.ru/2024/01/31/pod-flagom-prava-i-svobody.html> (дата обращения: 30.06.2024).
7. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. — 2-е изд., доп. — М. : Политиздат, 1987. — 367 с.
8. Лаптева Е. И. Право на труд в первой Советской конституции // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2018. — № 3. — С. 115–121.
9. Лукин А. 2024 — год столетия первой Конституции СССР! // URL: <https://xn--j1akbb.xn--p1acf/2024/03/12/2024-%D0%B3%D0%BE%D0%B4-%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D1%81/> (дата обращения: 30.06.2024).
10. Максимова О. Д. Разработка и обсуждение проекта первой Конституции СССР в комиссии ЦИК СССР (июнь 1923 г.) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2011. — № 4. — С. 88–94.
11. Медушевский А. Н. Конституция 1924 года: как и где были заложены причины крушения СССР? Часть 1 ; Часть 2 // Сравнительное конституционное обозрение. — 2015. — № 1 (104). — С. 117–129 ; 2015. — № 2 (105). — С. 118–131.
12. Роцин Б. Е. Конституция СССР 1924 года: основные положения и особенности (к 90-летию принятия первой Конституции Советского Союза) // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. — 2014. — № 2. — С. 189–193.
13. Томсинов В. Эта история — целый детектив // URL: <https://e-news24.ru/2024/01/31/eta-istoriia-celyi-detektiv-doktor-uridicheskikh-nayk-vladimir-tomsinov-o-per-voi-sovetskoj-konstitucii-1924-goda/> (дата обращения: 30.06.2024).
14. Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 года : учеб. пособие. — М. : Зерцало-М, 2004. — 216 с.

REFERENCES

1. Avakyan SA. Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity. 2nd ed. Moscow: RYulD Publ.; Sashko Publ.; 2000. (In Russ.).
2. Barinova EP. USSR Constitution of 1924 in historical and legal research. *Juridical Journal of Samara University*. 2023;2(53):15-19. (In Russ.).
3. Golyakov IT, Gorshenin KP, Murashev SI (eds.). Conversations about the social and state structure of the USSR. Moscow: «Molodaya gvardiya» Publishing House of the Komsomol Central Committee; 1945. (In Russ.).
4. Historical unemployment rate updated in Russia. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/27/04/2024/662d101f9a79472ebcc1f3d1> (Accessed 30.06.2024).
5. Klitorin VI. Nominal law in Soviet Russia: Constitution of 1924 and Civil Code of 192. *ECO Journal*. 2023;1:8-23. (In Russ.).
6. Krashenninikov P. One hundred years ago the Constitution of the USSR was adopted. Available at: <https://rg.ru/2024/01/31/pod-flagom-prava-i-svobody.html> [Accessed 30.06.2024]. (In Russ.).
7. Kukushkin YuS, Chistyakov OI. Essay on the history of the Soviet Constitution. 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ.; 1987. (In Russ.).
8. Lapteva EI. The right to work in the first Soviet Constitution. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*. 2018;3:118-125. (In Russ.).

9. Lukin A. 2024 is the centenary of the first Constitution of the USSR! Available at: <https://xn--j1akbb.xn--p1acf/2024/03/12/2024-%D0%B3%D0%BE%D0%B4-%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D1%81/> [Accessed 30.06.2024]. (In Russ.).
10. Maksimova OD. Development and discussion of the draft of the first Constitution of the USSR in the Commission of the Central Executive Committee of the USSR (June 1923). *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2011;4:88-94. (In Russ.).
11. Medushevsky AN. Constitution of 1924: how and where were the reasons for the collapse of the USSR laid down? Part 1; Part 2. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2015;1(104):117-129; 2015;2(105):118-131. (In Russ.).
12. Roshchin BE. The Constitution of the USSR of 1924: basic provisions and features (to the 90th anniversary of the adoption of the first Constitution of the Soviet Union). *Vestnik of Kostroma State University*. 2014;2:189-193. (In Russ.).
13. Tomsinov V. This story is a whole detective story. Available at: <https://e-news24.ru/2024/01/31/eta-istoriia-celyi-detektiv-doktor-uridicheskikh-nayk-vladimir-tomsinov-o-pervoi-sovetskoi-konstitucii-1924-goda/> [Accessed 30.06.2024]. (In Russ.).
14. Chistyakov OI. USSR Constitution of 1924. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2004. (In Russ.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ IV СОЗЫВА И КРИЗИС 1917 Г.

Шарапов Роман Дмитриевич,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
romanszarapow@yandex.pl

© Шарапов Р. Д., 2024

Аннотация. В статье раскрывается авторская позиция относительно IV созыва Государственной думы Российской империи в качестве основного представительного законодательного органа Российской империи, деятельность которого была в высокой степени затронута Первой мировой войной, выявлено влияние Государственной думы Российской империи IV созыва на Февральскую революцию 1917 г., на Октябрьскую революцию 1917 г. и на Гражданскую войну в России. Для выявления вышеупомянутого влияния в статье рассматривается законодательная инициатива Государственной думы Российской империи IV созыва, приводится анализ текстов нормативных правовых актов, принятых Государственной думой Российской империи IV созыва, анализ общей информации о Государственной думе Российской империи IV созыва, носящей экспликационный характер. В статье приводятся ссылки на тексты современников, ученых-специалистов в данной области истории права и государства России. Работа над источниками и анализ информации приводит к выводу, что работа Государственной думы Российской империи IV созыва, как и работа государственных органов того времени, оказала колоссальное влияние на развитие революционных идей в Российской империи, впоследствии выразившихся в радикализации российских социалистических движений и общественной поддержке Февральской революции 1917 г. и Октябрьской революции 1917 г. Тем не менее, вопреки расхожему мнению, такое влияние было косвенным, а сама Государственная дума часто действовала вслепую, пытаясь с одной стороны, сохранить свои позиции, урезываемые имперским правительством, а с другой — не входить в резкие конфронтации с самим императором. Сама же Государственная дума, как оказалось, с началом Революции потеряла авторитет и, по сути, уступила свои позиции новому органу — Временному комитету Государственной думы. Рассмотрим же, как сиюминутное желание власти привело к развалу великой империи и к началу ужасного периода отечественной истории — Февральской и Октябрьской революции и Гражданской войне.

Ключевые слова: Государственная дума; законодательный орган; представительный орган; законодательная вермишель; Первая мировая война; законодательная инициатива; оппозиция; Великое отступление; законодательная деятельность.

STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 4TH CONVOCATION AND THE CRISIS OF 1917

Roman D. Sharapov,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

romanszarapow@yandex.pl

Abstract. The paper explains the author's position regarding the 4th convocation of the State Duma of the Russian Empire as the main representative legislative body of the Russian Empire, whose activities were highly affected by the First World War, elucidates the influence of the State Duma of the Russian Empire of the 4th convocation on the February Revolution of 1917, the October Revolution of 1917 and the Civil War in Russia. To identify the aforementioned influences, the paper considers the legislative initiative of the State Duma of the Russian Empire of the 4th convocation, provides an analysis of the texts of regulatory legal acts adopted by the State Duma of the Russian Empire of the 4th convocation, analyzes general information about the State Duma of the Russian Empire of the 4th convocation, which is of an explication nature. The paper provides links to the texts of contemporaries, researchers and specialists in this field of the history of law and the State of Russia. Examination of sources and analysis of information leads to the conclusion that the work of the State Duma of the Russian Empire of the 4th convocation, as well as the work of state bodies of that time, had a tremendous impact on the development of revolutionary ideas in the Russian Empire, subsequently expressed in the radicalization of Russian socialist movements and public support for the February Revolution of 1917 and the October Revolution of 1917. Nevertheless, contrary to popular belief, such influence was indirect, and the State Duma itself often acted blindly, trying, on the one hand, to maintain its positions limited by the imperial government, and on the other hand, not to enter into sharp confrontations with the emperor himself. The State Duma itself, as it turned out, with the beginning of the Revolution lost authority and, in fact, surrendered its position to a new body — the Provisional Committee of the State Duma. The paper examines how the momentary desire of the authorities led to the collapse of the great empire and to the beginning of a terrible period of Russian history — the February and October Revolution and the Civil War.

Keywords: State Duma; legislative body; representative body; legislative vermicelli; World War I; legislative initiative; opposition; Great Retreat; legislative activity.

Государственная дума Российской империи IV созыва — высший законодательный представительный орган в Российской империи, действовавший с 1912 по 1917 г. под председательством русского политического деятеля, главы партии «Союза 17 октября» М. В. Родзянко. В 1912 г. Государственная дума избиралась на пять лет. Сессии длились один год. С началом Первой мировой войны периодический сессионный характер работы Государственной думы был нарушен.

Сессионная периодичность:

- Сессия I: 15 ноября 1912 г. — 25 июня 1913 г. — 81 заседание.
- Сессия II: 15 октября 1913 г. — 14 июня 1914 г. — 111 заседаний.
- Чрезвычайная сессия: 26 июля 1914 г. — 1 заседание.
- Сессия III: 27 января 1915 г. — 29 января 1915 г. — принятие бюджета.
- Сессия IV: 19 июля 1915 г. — 3 сентября 1915 г.; 9 февраля 1916 г. — 20 июня 1916 г. — 60 заседаний.
- Сессия V: 1 ноября 1916 г. — 16 декабря 1916 г.; 14 февраля 1917 г. — 25 февраля 1917 г. — далее неофициальные собрания.

Государственная дума Российской империи IV созыва состояла из 442 депутатов, из них:

- 15 — от Российской социал-демократической рабочей партии;

- 57 — от «Трудовиков» и Прогрессивной партии;
- 59 — от Конституционно-демократической партии;
- 21 — от Польского коло, белорусско-литовской группы и мусульман;
- 97 — от «Союза 17 октября»;
- 187 — от правых, русских националистов и центристов;
- 6 беспартийных парламентариев (А. Г. Альбицкий, В. М. Волконский, С. А. Калинин, С. С. Крым, А. Н. Рusanов, Д. Н. Святополк-Мирский)¹.

Председателем Государственной думы был М. В. Родзянко. Товарищами председателя являлись В. М. Волконский, Д. Д. Урусов. Секретарь Государственной думы был И. И. Дмитрюков. Старший товарищ секретаря — Н. Н. Львов. Товарищи секретаря: Н. И. Антонов, В. П. Басаков, Г. Х. Еникеев, В. П. Шеин².

«Правительство В. Н. Коковцова, сменившего П. А. Столыпина, не имело никакой программы преобразований и, соответственно, не испытывало большой потребности в устойчивом большинстве в Думе. В ответ среди депутатов и фракций быстро созрело недовольство кабинетом, не направляющим, по мнению народных избранников, должных усилий на сотрудничество с нижней палатой»³. Способом реализовать подрыв законодательной власти было выбрано заваливание мелкими актами нормативно-правового характера — «законодательная вермишель», т.к. Дума была разрознена, то принятие каждого такого акта грозило неделями обсуждений, споров и диспутов. В первую сессию в Думу таким образом правительство внесло более 2 000 мелких законопроектов. В одном из публичных выступлений Депутат Государственной думы от партии «Союза 17 октября» А. И. Шингарев высказался о первой сессии так: «Скука в IV Думе напоминает состояние пассажиров поезда, застрявшего на глухой станции»⁴. Это выступление обличило бесперспективность и тупик в работе Государственной думе, отсутствие возможности народных представителей внести новое дыхание в думскую стратегию и тактику. Низкая эффективность работы усиливалась практиковавшимся «внедумским» законодательством, когда действительно важные акты принимались правительством в обход Думы, а подзаконные акты, принимались не в правительстве, а в Думе, что отнимало время и ресурсы Государственной думы.

П. В. Синалило приводит такую оценку Государственной думы Российской империи IV созыва: «Четвертая Дума есть одна лишь фикция: в Государственном совете сидят люди, которые совершенно не считаются с народными представителями и действуют, если так можно выразиться, вопреки. Повторяю, Дума лишь фикция и при таком положении ничего не может дать стране. Я не нахожу на русском языке определения для действий Государственного совета. Это то, что по-французски называется “саботажем”...»⁵

Ярчайшим примером неспособности Думы к качественной работе служит законопроект о государственном бюджете на 1914 г., выступления о котором часто проводились на трибуне Государственной думы. Принятие документа было, в конце концов, возложено на царя, так как законодательная власть в Российской империи не смогла прийти к компромиссам. Закончился казус тем, что бюджет был введен в юридическую силу через правительство Российской империи и был опубликован не как закон, «одобренный Государственной Думой и Государственным Советом», а как документ, подписанный царем и составленный лишь «согласно постановлениям Государственной Думы и Государственного Сената».

¹ Боиович М. М. Члены Государственной думы : (портреты и биографии) : Четвертый созыв, 1912–1917 г. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. С. XXV.

² Боиович М. М. Члены Государственной думы... С. IV.

³ Лукоянов И. В. Государственная Дума российской империи: исторический опыт // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 59.

⁴ Ленин В. И. Старые задачи и старческая дряблость либерализма // Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Издательство политической литературы, 1973. Т. 23. С. 30.

⁵ Ленин В. И. Оценка IV Думы // Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 158.

Список законопроектов, одобренных Государственной думой Российской империи IV созыва:

- Закон «Об отпуске из гос. казначейства средств на содержание причта при Троицком Михаило-Клопском женском общежительном монастыре»;
- Закон «Об отпуске из гос. казначейства дополнительного пособия обществу для распространения книг Св. Писания в России»;
- Закон «Об отпуске из гос. казначейства средств на содержание Псковского кафедрального собора»;
- Закон «Об увеличении штата Холмско-Волынского управления земледелия и государственных имуществ»;
- Закон «Об отпуске из гос. казначейства дополнительных средств на увеличение содержания канцелярским чиновникам, вольнонаемным писцам и нижним служителям управления и хозяйственных учреждений отдельного корпуса пограничной стражи»;
- Закон «Об отпуске из гос. казначейства средств на усиление таможенного надзора по морскому побережью Приморской области»;
- Закон «Об отпуске из гос. казначейства средств на покрытие расходов по командировкам и назначениям чинов отдельного корпуса пограничной стражи в течение 1913 г.»;
- Закон «О величине контингента новобранцев, набранных в 1915 году»;
- Закон «Об учреждении Особых Совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, по продовольственному делу и по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов»;
- Закон «О временном отступлении от установленных в Учреждении Государственного Совета правил о выборах членов Совета от землевладельцев в губерниях Царства Польского»;
- Закон «Об обеспечении нужд беженцев»;
- Закон «О расширении предоставленного Государственному Банку права выпуска государственных кредитных билетов»;
- Закон «О дополнительном расширении предоставленного Государственному Банку права выпуска государственных кредитных билетов»;
- Закон «Об изменении действующего порядка призыва и назначения ратников государственного ополчения второго разряда»;
- Закон «О государственном подоходном налоге» и др.

В общей сложности свыше 8000 мелких и крупных законопроектов были приняты Государственной думой Российской империи IV созыва⁶.

Анализируя всю законодательную инициативу, становится очевидным, что Государственная дума Российской империи была завалена мелкими законами, что в целом повлияло на качество крупных законов. Так, например, Государственная дума не была в состоянии принять государственный бюджет на 1914 г., о чем было сказано выше в данной статье.

Мелкие законодательные инициативы позволяли улучшить благосостояние обычного народа Российской империи: основные законы, изданные Государственной думой во время второй сессии, носили финансовый характер: дума издавала нормативные правовые акты, направленные на образование народа. Были увеличены расходы на распространение Священного Писания, на содержание некоторых церквей и монастырей (см. пп. 1–7 приведенного выше перечня принятых Государственной думой актов). Эта социальная деятельность, несомненно, была благом для Российской империи, для страны с активно развивающимися экономическими и социальными отношениями.

⁶ Проекты законов, одобренные Государственной думой. 4-й созыв. Пг., 1913–1914. Сессия 2: 1913–1914 гг. Вып. 2: (№ 301–602). Петроград : Государственная типография, 1914.

Стоит отметить и тот факт в защиту Государственной думы, что IV созыв, наряду с III созывом, был наиболее спокойным во всей истории Государственной думы. Если первые два созыва входили в конфронтацию с Советом Министров (деятельность первой думы была направлена на борьбу с правительством под руководством И. Л. Горемыкина, а вторая провела только одну сессию перед тем, как произошел Третьеиюньский переворот), то третья и четвертая думы пытались найти компромисс с правительством. Это было заметно и по общему настроению в народе: страна выправилась после революции 1905 г. и стали очевидны потери государства. Кроме территорий, из-за революции из страны стал массово оттекать капитал, что вызывало опасения не только у самых богатых, но и у интеллигенции и среднего класса. Более того, третья и четвертая думы были самыми интеллигентными: с одной стороны, партии действительно представляли интересы народы, с другой стороны, в эти думы входили опытные политики, что в высокой степени повлияло на рост влияния думы как органа государственной законодательной власти, на качество актов и на умение дипломатического разрешения конфликтов внутри и вне дум.

Тем не менее спокойствие было связано с пассивностью правительства. Активность правительства возобновилась с 1914 г. и проходила с позитивными последствиями вплоть до 1915 г. Государственная дума, состоявшая большей частью из оппозиции его величеству, активно начала вставлять палки в колеса правительства и государству в целом. Так, в 1915 г. в России, находящейся в состоянии войны, был «снарядный голод»⁷. Производство 30-сантиметровых снарядов накануне Первой мировой войны осуществлялось на пяти казенных заводах: на Ижевском сталелитейном, Пермском, Златоустовском, Олонецком заводах и на Верхнетуринском горного ведомств заводе — и 10 заводах, принадлежавших частным лицам: Металлическом, Путиловском, Николаевском заводах, заводе Лесснер, Брянском, Петроградском механическом заводах, заводе Русское общество, Рудзском заводе, заводе Лильпоп, Сормовском заводе, а до 1910 г. производством таких снарядов занимались еще два финских завода. «На 1 августа 1914 г. русская армия имела запас в 7 млн снарядов при реальной потребности, исчисленной вскоре ставкой на основе боевого опыта, в 1,5 млн в месяц! А за весь 1914 г. заводы страны дали всего лишь 650 000 снарядов...»⁸

Основной причиной столь катастрофического события оказалась ошибка в расчетах Государственной думы при принятии бюджета на 1915 г. Такая ошибка оказала трагическое воздействие на общество. Если Россия вошла в войну с высоко поднятой головой, по замечкам современников: «единенная с монархом», то к 1916 г. от бывшего величия русской армии не осталось ни следа: «Великое отступление» — отступление русской армии с территорий Царства Польского — повергло общество в антиправительственное настроение. Популярность радикальных социалистических кружков, объединений и самой Р.С.Д.Р.П. росла, в то время как правительство подвергалось общественной критике.

Неумелое управление государственным бюджетом привело к тому, что Государственная дума фактически активно способствовала накалению общественной политической обстановки: известно, что часть ее членов выступала за отречение императора Российского Николая II, а большевицкая часть Р.С.Д.Р.П. активно распространяла антигосударственные идеи.

Государственная дума Российской империи IV созыва является самым противоречивым созывом. С одной стороны, до войны Государственная дума занималась попечением народа, увеличивая траты государства на образование, содержание церквей и медицину. С другой стороны, «законодательная вермишель», разобщенность интересов разных фракций, ошибки в бюджете и антиправительственная

⁷ Данилова О. С., Краева Т. В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Вестн. Урал. отд-ния РАН. Наука, человек, общество. 2011. № 1 (35). С. 87–98.

⁸ Артемьев М. А. Как в России в Первую мировую войну появился мощный ВПК // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/istoriya/234333-kapitalisticheskaya-mobilizatsiya-kak-v-Rossii-v-pervuyu-mirovuyu-voinu-poya> (дата обращения: 30.06.2024).

деятельность большевиков привели к катастрофическим событиям 1917 г., вылившимся в Гражданскую войну 1918–1923 гг. Подобным образом история развивалась в ряде европейских государств: например, во Франции и в Великобритании накануне революций... Уроки могли быть выученными, но сиюминутное желание власти отдельных лиц встало выше, чем благо Отечества: победе России в мировой войне было предпочтено разжигание общественно-политической обстановки, вылившейся в войну Гражданскую, куда более разрушительную и ужасную, чем Первая мировая война.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артемьев М. А. Как в России в Первую мировую войну появился мощный ВПК // Forbes. — URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/istoriya/234333-kapitalisticheskaya-mobilizatsiya-kak-v-Rossii-v-pervuyu-mirovuyu-voynu-poya> (дата обращения: 30.06.2024).
2. Боиович М. М. Члены Государственной думы: (портреты и биографии): Четвертый созыв, 1912–1917 г. — М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. — LXIV, 454 с.
3. Данилова О. С., Краева Т. В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Вестник Урал. отд-ния РАН. Наука, человек, общество. — 2011. — № 1 (35). — С. 87–98.
4. Коновалова М. А. Юридические общества в теории и законотворческой практике российского либерализма во второй половине XIX — начале XX века : дис. ... канд. исторических наук : 07.00.02 — 256 с.
5. Ленин В. И. Оценка IV Думы // Полное Собрание Сочинений : в 55 т., Т. 23 М. : Издательство политической литературы, 1973. — С. 158.
6. Ленин В. И. Старые задачи и старческая дряблость либерализма // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 23 М. : Издательство политической литературы, 1973. — С. 30.
7. Лукоянов И. В. Государственная Дума российской империи: исторический опыт // Ленинградский юридический журнал. — 2005. — № 3. — С. 52–69.
8. Макаров В. В. Общественно-политическая деятельность А. И. Шингарева : дис. ... канд. исторических наук : 07.00.02 — 351 с.
9. Павлов А. Ю. Французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны // Великая война 1914–1918: альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. — Вып. 3. — М. : МБА: Квадрига, 2013. — С. 33–41.
10. Пахалюк К. А. Первая мировая война в контексте культурного измерения внешней политики современной России // Вестник Перм. ун-та. Серия 2, Политология. — 2017. — № 1. — С. 17–32.
11. Пахалюк К. А. Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. — 2017. — № 1. — С. 106–128.
12. Попова С. С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). — М. : Ладомир, 2010. — С. 259–264.
13. Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie 1916. — Paris : L'Harmattan, 2008. — 441 с.

REFERENCES

1. Artemyev MA. How a powerful Military-Industrial Complex appeared in Russia during the First World War. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya/istoriya/234333-kapitalisticheskaya-mobilizatsiya-kak-v-Rossii-v-pervuyu-mirovuyu-voynu-poya> [Accessed: 30.06.2024]. (In Russ.).
2. Boiovich MM. Members of the State Duma: (portraits and biographies): Fourth convocation, 1912–1917. Moscow: I.D. Sytin Partnership Publishing House; 1913. (In Russ.).

3. Danilova OS, Kraeva TV. French military mission in Russia (1916–1919) and the memories of its employees about their stay in the Urals. *Vestnik of Urals Branch of the Russian Academy of Sciences (RAS). Science, Man, Society*. 201;1(35):87-98. (In Russ.).
4. Konovalova MA. Legal societies in the theory and legislative practice of Russian liberalism in the second half of the 19th — early 20th centuries: Cand. Sci. (History) Diss.
5. Lenin VI. Assessment of the 4th Duma. Complete Works in 55 volumes. Vol. 23. Moscow: Political Literature Publishing House; 1973. (In Russ.).
6. Lenin VI. Old tasks and senile laxity of liberalism. Complete works: in 55 vols. Vol. 23. Moscow: Political Literature Publishing House; 1973. (In Russ.).
7. Lukoyanov IV. State Duma of the Russian Empire: historical experience. *Leningrad Law Journal*. 2005;3:52-69. (In Russ.).
8. Makarov VV. Socio-political activities of A. I. Shingarev: Cand. Sci. (History) Diss.
9. Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie 1916. Paris: L'Harmattan; 2008.
10. Pakhalyuk KA. World War I and the memory of it in modern Russia. *Neprikosnovennyi zapas*. 2017;1:106-128. (In Russ.).
11. Pakhalyuk KA. World War I in the context of the cultural dimension of the foreign policy of modern Russia. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2017a;1:17-32. (In Russ.).
12. Pavlova AYU. French military missions in Russia during the First World War. In: *The Great War 1914–1918: Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War*. Issue 3. Moscow: MBA, Kvadriga Publ.; 2013. (In Russ.).
13. Popova SS. Between two coups. Documentary evidence of the events of the summer of 1917 in Petrograd (based on French and Russian archival sources). Moscow: Ladomir Publ.; 2010. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.30.2.048-052

ЖЕНЩИНЫ-ЮРИСТЫ В БОРЬБЕ ЗА ГЕНДЕРНОЕ РАВНОПРАВИЕ В АДВОКАТУРЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

Северина Ангелина Владимировна,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
s2001124@msal.edu.ru

© Северина А. В., 2024

Аннотация. В статье проанализированы первые шаги женщин-юристов к допуску их в российскую адвокатуру. В рассматриваемый период можно было наблюдать различные мнения как по вопросу допустимости участия женщин в качестве адвокатов, так и по вопросу распространения на них норм действовавшего законодательства. В этой связи особую ценность представляет анализ судебных разбирательств, ставших примерами участия девушек в качестве защитников по обвинительному приговору, а также судебные процессы, решения по которым выносились в пользу подзащитных, во многом благодаря профессионализму женщин-адвокатов. Большую роль играют случаи принятия в профессиональное сообщество девушек на какую-либо должность или обоснованный отказ в получении такого права с нормативным обоснованием. Особое внимание уделено преодолению законодательных и социальных барьеров, препятствовавших достижению гендерного равенства в юридическом сообществе. Выявляются главные противоречия между женщинами-юристами и должностными лицами, в частности прокурорами, возражавшими против допуска женщин к участию в суде. Однако автором обращено внимание и на ситуации одобрения действий женщин по защите прав других лиц в гражданских или уголовных процессах со стороны органов правосудия. Достаточно значимым аспектом представляется исследование общественного мнения по поводу судебных разбирательств с участием женщин в качестве защитниц. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на рассмотренные сложности именно непрерывная борьба женщин за свои права стала первостепенным фактором последующего закрепления равных для мужчин и женщин возможностей быть адвокатами.

Ключевые слова: юриспруденция; государство; право; судебная реформа; адвокатура; прокурор; судебное представительство; юридическое образование; присяжные поверенные; гендерное равенство.

WOMEN LAWYERS IN THE STRUGGLE FOR GENDER EQUALITY IN THE BAR (LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

Angelina V. Severina,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

s2001124@msal.edu.ru

Abstract. *The paper analyzes the first steps of women lawyers to be admitted to the Russian Bar. During the period under review, it was possible to observe different opinions both on the issue of the admissibility of women's participation as lawyers, and on the issue of the application of existing legislation to them. In this regard, it is of particular value to analyze trials that have become examples of the participation of females as defenders on conviction, as well as trials in which decisions were made in favor of the defendants, largely due to the professionalism of women lawyers. An important role is played by cases of admission to the professional community of women to a position or a reasonable refusal to obtain such a right with a normative justification. Particular attention is paid to overcoming legislative and social barriers to achieving gender equality in the legal community. The paper explains the main contradictions between women lawyers and officials, in particular prosecutors who objected to the admission of women to participate in court. However, the author also drew attention to the situations of approval of the actions of women to protect the rights of others in civil or criminal proceedings by the justice authorities. A rather significant aspect is the study of public opinion on litigation involving women as defenders. The author concludes that, despite the difficulties discussed, it was the continuous struggle of women for their rights that became the primary factor in the subsequent consolidation of equal opportunities for men and women to be lawyers.*

Keywords: *jurisprudence; state; law; judicial reform; advocacy; prosecutor; judicial representation; legal education; sworn attorneys; gender equality.*

Сегодня женщины с высшим образованием широко представлены в адвокатском сообществе. Однако, чтобы добиться такого результата, женщинам пришлось преодолеть немало трудностей. Так, в 1889 г. состоялось выступление первой российской женщины-адвоката Марии Аршауловой в Томском губернском суде второй инстанции¹. Событие вызвало настоящий резонанс и огласку и впоследствии широко обсуждалось в прессе, что свидетельствует о том, что подобный пример был исключением, причем не только в Сибири, но и Европейской России. Изучение истории вовлечения женщин в юридическую профессию — адвокатуру в конце XIX — начале XX в. позволит глубже проанализировать особенности общественных стереотипов относительно профессионального труда женщин.

Появление института российской адвокатуры связано с судебной реформой Александра II. Статья 389 Учреждений судебных установлений, входящих в состав Судебных уставов Александра II 1864 г., предусматривала право выбора человеком представителя в судебном процессе не только из числа имеющих звание присяжного поверенного, но и из тех, кто находился в родственных отношениях с доверителем или имел доверенность от него². При этом в ст. 406 Учреждений судебных установлений регламентировался порядок получения свидетельства частного поверенного и предусматривалась возможность выступления в качестве защитника без свидетельства, но не более трех раз в год³. Фактически статья 389 Учреждений

¹ Женщина-адвокат // Судебная газета. 1889. № 23. С. 9.

² Высочайше утвержденное Учреждение судебных установлений (20 ноября 1864 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 39. № 41475.

³ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке засвидетельствования доверенностей присяжным поверенным на ведение дел в других, кроме

судебных установлений предоставляла женщинам право наряду со всеми выступать в суде при наличии перечисленных условий, а статья 406 позволяла быть частными поверенными без свидетельств всем независимо от пола три раза в год. В законах не оговаривались ограничения относительно женщин или мужчин, а потому они могли толковаться в пользу женщин. Однако в связи с отсутствием конкретики такие правовые положения на практике чаще использовались для обоснования противоположного мнения.

Высочайшее повеление от 14 января 1871 г. позволяло лицам женского пола заниматься лишь определенными видами работ: акушерской, аптекарской и фельдшерской деятельностью, воспитанием детей и преподаванием в учебных заведениях, ведать делами в телеграфском ведомстве⁴.

Труд в правительственных и общественных учреждениях был под запретом. В данном законе не упоминалась адвокатура, поэтому вопрос о возможности допуска женщин в эту профессию оставался нерешенным. Вследствие того, что по данному вопросу на практике часто стали возникать спорные ситуации, спустя пять лет, в 1876 г. было принято положение, определенно запрещающее женщинам участвовать в суде в качестве частных поверенных⁵.

Поскольку должность частных поверенных не имела отношения ни к правительственным, ни к частным учреждениям, после ее утверждения в 1874 г. женщинам стали выдавать свидетельства на право ведения гражданских и уголовных судебных дел. Так, в Ковенской губернии знаковым стало дело мещанина Шахновского, которое рассматривалось 21 апреля 1893 г. Обвиняемый избрал своим представителем женщину — мещанку Шейн, но суд возразил на это и запретил ей выступать в качестве защитницы. Однако Шахновский подал жалобу, в итоге дело дошло до Ковенского съезда мировых судей, который в конце концов принял решение о неправомерности устранения Шейн от участия в судебном процессе⁶. Другим примером представляется участие в судебном процессе Олимпии Даргинович, которая была допущена до ведения дела в защиту А. Войткуса 22 января 1892 г. в той же Ковенской губернии. Несмотря на некоторые сомнения, суд всё же допустил ее⁷.

Подобная практика не получила широкого распространения. Ярким примером может служить дело Екатерины Абрамовны Флейшиц, которая не смогла выступить в уголовном процессе Петроградского окружного суда 9 ноября 1906 г. из-за несогласия прокурора Ненарокова с ее участием. Представитель надзорного органа покинул заседание, тем самым сорвав его. Действия прокурора стали такой неожиданностью, что даже суд не смог быстро сориентироваться в этой ситуации⁸. Также можно отметить недопущение Гришман и Подгурской в профессиональное сообщество даже в качестве помощниц присяжных поверенных⁹, что демонстрировало стремление государственного органа, а именно Московской судебной палаты, исключить вероятность судебного представительства в лице девушек. Еще одной иллюстрацией может служить дело судьи Зилова, который был подвергнут дисциплинарному взысканию вследствие того, что в мае 1913 г. допустил до защиты

новых судебных установлений, присутственных местах» (16 декабря 1896 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1830. Т. 16. № 13527.

⁴ Именной указ «О допущении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения» (14 января 1871 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 46. № 49137.

⁵ Именной указ «О неприменении к лицам женского пола Правил 25 мая 1874 года о частных поверенных» (7 января 1876 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 51. № 55455.

⁶ Терновский А. К вопросу о женской адвокатуре // Судебная газета. 1893. № 21. С. 5.

⁷ Шниц З. Женщина-поверенная // Судебная газета. 1893. № 8. С. 8–9.

⁸ Люблинский П. И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. 1915. № 21. Стлб. 1531–1532.

⁹ Хроника // Право. 1908. № 44. Стлб. 2422–2423.

Ольгу К.¹⁰ Не менее наглядным является исключение в 1915 г. с санкции прокурора из Казанского совета присяжных поверенных, уже принятых в него ранее Л. Богородицкой, О. Вегер и М. Игловской¹¹.

Вышеперечисленные события являются свидетельством существования немалого количества препятствий для вступления лиц женского пола в профессиональное юридическое сообщество. По этой причине дело Аршауловой является крайне значимым именно с точки зрения его контрастности на фоне постоянных разногласий и запретов. 12 мая 1889 г. адвокат смогла стать представителем интересов М. И. Куренкова и Н. Мельникова, которые обвинялись в нанесении побоев старшине Кусаимову. Примечательным явилось вступление защитницы: она говорила о необычайности ведения дела лицом ее пола и сослалась на уже распространенное за границей освоение женщинами профессий врачей, юристов, математиков, вследствие чего никаких барьеров для своего участия она не видела. Орган правосудия, в свою очередь, объективно оценил приведенные аргументы и в итоге вынес решение в пользу обвиняемых, признав правоту адвоката¹². Здесь можно увидеть непредвзятость суда и рассмотрение им дела вне зависимости от пола защитника. К тому же в этом судопроизводстве отсутствует яркое противостояние между прокурором и адвокатом, так как они были согласны в необходимости изменения меры ответственности, а обратная ситуация чаще всего встречалась в иных процессах, как, например, в делах Е. А. Флейшиц и судьи Зилова. Этот факт демонстрирует принятие членом надзорного органа такого явления, как женщина-адвокат.

По мере участия женщин в судебных процессах, расширился круг дел, по которым они принимали участие. В начале XX в. женщины стали ходатайствовать о должности помощницы присяжного поверенного. Например, Совет присяжных Омской судебной палаты 25 января 1912 г. принял Л. Н. Рушковскую помощницей присяжного поверенного¹³. Это уже более поздний период, практически конец борьбы за равноправие в сфере адвокатуры, который показывает все большую возможность женщин ведения дел в судах на равных началах с мужчинами.

Женщины столкнулись с большим количеством трудностей на пути установления равноправия в адвокатской деятельности. Встречались не только законодательные препятствия, но и неодобрение со стороны различных должностных лиц. Этим усугублялось отстаивание женщинами своего права быть представителями в суде. Женщины добивались права допуска их к участию в судопроизводстве, и когда им это удавалось, они демонстрировали действительную возможность и готовность быть успешными адвокатами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Женщина-адвокат // Судебная газета. — 1889. — № 23. — С. 9.
2. Женщина-адвокат. Из газет // Сибирская жизнь. 1912. — С. 4.
3. Люблинский П. И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. — 1915. — № 21. — Стлб. 1528–1547.
4. Терновский А. К вопросу о женской адвокатуре // Судебная газета. — 1893. — № 21. — С. 5.
5. Хроника // Право. — 1908. — № 44. — Стлб. 1420–1426.
6. Шпиц З. Женщина-поверенная // Судебная газета. — 1893. — № 8. — С. 8–9.

¹⁰ Люблинский П. И. Указ. соч. Стлб. 1534–1536.

¹¹ Люблинский П. И. Указ. соч. Стлб. 1638–1540.

¹² Женщина-адвокат // Судебная газета. 1889. № 23. С. 9.

¹³ Женщина-адвокат. Из газет // Сибирская жизнь. 1912. С. 4.

REFERENCES

1. Zhenshchina-advocat [Woman Advocate]. Sudebnaya gazeta [Court Newspaper]. 1889;23:9. (In Russ.).
2. Zhenshchina-advocat [Woman Advocate]. From newspapers. Sibirskaya zhyzn [Siberian Life]. 1912: 4. (In Russ.).
3. Lyublinskiy P.I. Fighting the Women's Bar and Lessons from the Rule of Law. Pravo. 1915;21:1528-1547. (In Russ.).
4. Ternovskiy A. On the issue of women's advocacy. Sudebnaya gazeta [Court Newspaper]. 1893;21:5. (In Russ.).
5. Chronicle. Pravo. 1908;44:1420-1426. (In Russ.).
6. Shpits Z. Female Attorney. Sudebnaya gazeta [Court Newspaper]. 1893;8:8-9. (In Russ.).

КОДЕКС О БРАКЕ И СЕМЬЕ РСФСР 1969 г.: РАЗРАБОТКА И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Мун Виктория Анатольевна,

доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
mun.viktoriya@mail.ru

Гордеев Александр Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических наук
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
lex.ag@mail.ru

© Мун В. А., Гордеев А. Г., 2024

Аннотация. В статье анализируются меры, направленные на поддержку и укрепление семьи, обсуждаемые в процессе разработки Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г., а также особенности их дальнейшей реализации на практике. Отмечается, что серьезные изменения в социально-экономическом и политическом развитии страны, вызванные послевоенными изменениями привычного уклада жизни, предопределили потребность в последовательной и гибкой политике со стороны государства по отношению к семейному благополучию. На протяжении периода времени с 1940-х по 1960-е гг. длилась разработка нового брачно-семейного кодекса. В течение этого времени образовывались различные правительственные комиссии, рабочие группы, рассматривалось несколько вариантов редакций законопроекта. Материалы обсуждения проектов показывают, что законодатели руководствовались прежде всего идеей вовлечения отцов в семью, а также обеспечения интересов детей и семьи. Так, отныне допускались ранние браки, существенно расширились возможности установления отцовства в судебном и добровольном порядке. Непопулярность реализации данных мер на практике объяснялось неосведомленностью населения о них. Для устранения данной проблемы была проделана существенная работа по изучению нового законодательства, разъяснению его населению и претворению в жизнь. Однако в дальнейшем по-прежнему отмечался рост числа разводов, увеличение злостных неплательщиков алиментов. Анализ практики применения нововведений позволил выявить другие проблемы реализации данных положений. Первопричина, по которой наблюдался «завал» дел о взыскании алиментов и увеличение числа злостных неплательщиков крылась в том, что на протяжении долгого периода времени отсутствовала социальная концепция отцовства. Еще не сформировался опыт выстраивания отношений с отцом, не как с «содержателем», а как с родителем, чьи отношения ценны вне зависимости от регистрации брака и материальной поддержки.

Ключевые слова: государство; право; законодательство; правовой институт; семейный кодекс; юридическая ответственность; отцовство; опекунов; охрана детей; брак.

THE RSFSR CODE ON MARRIAGE AND FAMILY OF 1969: THE CODE DEVELOPMENT AND APPLICATION PRACTICE

Viktoriya A. Mun,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

mun.viktoriya@mail.ru

Aleksandr G. Gordeev,

Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

lex.ag@mail.ru

Abstract. *The paper analyzes measures aimed at supporting and strengthening the family discussed in the process of developing the RSFSR Code on Marriage and the Family of 1969, as well as the specifics of their further implementation in practice. It is noted that serious changes in the socio-economic and political development of the country, caused by post-war changes in the usual way of life, predetermined the need for a consistent and flexible policy on the part of the state in relation to family well-being. Over the period from the 1940s to the 1960s lasted the period of development of a new marriage and family code. During this time, various government commissions and working groups were formed, several versions of the draft law were considered. The materials of the discussion of the drafts show that the legislators were guided primarily by the idea of involving fathers in families, as well as ensuring the interests of children and families. Thus, from now on, early marriages were allowed, the possibilities of establishing paternity in court and voluntarily expanded significantly. The unpopularity of implementation of those measures in practice was explained by the lack of awareness of the population. To eliminate this problem, significant work was done to study the new legislation, explain it to the population and implement it. However, in the future, there was still an increase in the number of divorces, an increase in malicious failures to pay child support and alimony. The author analyzes the practice of applying innovations and elucidates other problems in the implementation of these provisions. The root cause of the «blockage» of cases for the recovery of alimony and the increase in the number of malicious defaulters was that for a long period of time there was no social concept of paternity. The experience of building a relationship with the father was not formed, not as a «holder,» but as a parent whose relationship is valuable regardless of marriage registration and material support.*

Keywords: State; law; legislation; legal institution; family code; legal liability; paternity; guardianship; child protection; marriage.

Великая Отечественная война полностью изменила привычный уклад жизни, что стало серьезным испытанием, прежде всего для советской семьи. Следствием постоянной потребности в обеспечении людскими и материальными ресурсами для ведения боевых действий стали такие явления, как диспропорция полов в семьях, увеличение числа матерей-одиночек, безнадзорных детей, воспитывающихся в неполных семьях, и появлению проблемы беспризорности. В таких условиях требовалась последовательная и гибкая политика со стороны государства по отношению к семейному благополучию, а также своевременные законодательные меры, направленные на поддержку и укрепление семьи. Такие меры, как запрет аборт в 1936 г.¹, введение налога на одиноких и бездетных граждан

¹ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских

в 1941 г.², государственная помощь беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, а также придание правового значения только зарегистрированному браку в 1944 г.³ свидетельствовали о проблемах в вопросах благосостояния семей и демографическом спаде в стране. Данные нововведения не только не привели к росту рождаемости, но и простимулировали рост криминальных аборт, увеличение материнской смертности. Положительный эффект от финансовой поддержки семей со стороны государства размывался на фоне распространения фактических браков, избегании отцов материальной ответственности за содержание детей. Действительно, «это было время, когда “беглого отца” из Западной области можно было найти далеко в Сибири и даже на Камчатке». Как следствие, мужчины не несли никакой ответственности за «половую распущенность» и «полную свободу сексуальных отношений», ни при каких обстоятельствах им не грозило установление отцовства⁴. Не продемонстрировали эффективность и такие «меры укрепления» семьи, как усложнение процедуры развода в суде, привлечение партийных органов к семейному конфликту.

Коренные преобразования в экономике, культуре и общественной жизни вызвали к потребности принятия нового общесоюзного брачно-семейного кодекса. В 1940-х гг. началась работа комиссии над новым семейным кодексом, взамен Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г. На протяжении последующих двадцати лет происходило обсуждение разных его проектов. Первый проект был представлен в 1949 г. и сразу вызвал споры по основному вопросу, связанному с правом установления отцовства и правах «незаконнорожденных» детей. Нерешенность этого вопроса приводила и к другим проблемам: имущественные права детей, родившихся в незарегистрированном браке, порядок установления отцовства и правила указания отцов в метриках детей, проблемы привлечения фактических отцов к материальной ответственности за внебрачных детей и др. В последующем образовывались различные правительственные комиссии, рабочие группы, обсуждение проектов кодекса затянулось.

Для подготовки нового законопроекта с учетом поступивших замечаний и предложений Президиумом Верховного Совета РСФСР была образована комиссия, в которую вошли депутаты Верховного Совета, руководители республиканских министерств и ведомств, работники советских органов и ученые-юристы. Комиссия рассмотрела более 500 замечаний и предложений, поступивших с мест. Наконец, после многолетних обсуждений, законопроект был подготовлен комиссией при Совете Министров при участии группы ученых и практических работников, представителей заинтересованных министерств и ведомств РСФСР и рассмотрен консультативной группой в Президиуме Верховного Совета СССР, рекомендации которой нашли свое отражение в проекте. Текст законопроекта был одобрен Советом Министров РСФСР в ноябре 1968 г. и далее разослан в Президиумы Верховных Советов и Советы Министров автономных республик, исполкомы краевых, областных, Московского и Ленинградского городских советов, а также некоторым научным учреждениям. К обсуждению подключились и средства массовой информации, научные учреждения, предприятия, колхозы, совхозы⁵.

Среди поступивших возражений наибольшую дискуссию вызвали споры об изменении правового положения внебрачных детей. Можно сказать, обсуждение именно

садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

² Указ Президиума ВС СССР от 21.11.1941 «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 42.

³ Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

⁴ Денисова Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М. : Памятники ист. мысли: Роспэн, 2007. С. 29.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 334. Л. 164–165.

этого вопроса задерживало принятие нового семейного кодекса. Дело в том, что Указом 1944 г. устанавливалось, что «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов» (п. 19), в случае рождения ребенка вне брака, матерям запрещалось обращаться в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов с фактического отца (п. 20)⁶. Большинство юристов склонялось к уравниванию прав всех детей, во многом поскольку пресловутый «прочерк» в книге записей о рождении травмировал детей и родителей, в связи с чем разрешение вопроса о записи отца позволило бы справедливо установить взаимную ответственность родителей и детей⁷.

В итоге законопроект предусматривал право установления отцовства при отсутствии зарегистрированного брака родителей (т. е. внесении записи об отце ребенка в книгу записей рождения) в судебно-административном порядке «по совместному заявлению отца и матери ребенка, либо отец записывается согласно решению суда» (ст. 49)⁸. Тем самым отменялось соответствующее положение Указа 1944 г.

Другой вопрос, вызывавший активное обсуждение, касался снижения возраста вступления в брак. Так, проект устанавливал брачный возраст в 18 лет. Одновременно предусматривалось право исполнительных комитетов районных, городских Советов депутатов трудящихся в отдельных исключительных случаях снижать установленный брачный возраст, но не более чем на два года (ст. 16)⁹. Возможность снижения брачного возраста пусть даже и в исключительных случаях вызывало по большей мере критику и негативную оценку. Так, член комиссии по здравоохранению и социальному обеспечению, депутат Верховного Совета РСФСР А. Кузнецов отмечал, что подобная норма может в результате неправильного понимания закона повлечь за собой на практике возникновение частых случаев. Между тем столь раннее вступление в брак юношей, едва достигших трудового совершеннолетия, ни с какой точки зрения нельзя оправдать. «Нет сомнений в том, что браки, заключенные в столь раннем возрасте, не могут быть достаточно прочными и устойчивыми, не говоря уже о подготовленности мужчины в 16-летнем возрасте к браку»¹⁰. Высказывая недовольство данной нормой, одновременно поступали предложения: о снижении брачного возраста только для женщин и на один год¹¹, об увеличении брачного возраста для юноши до 21 года (с учетом службы в рядах Советской армии), для девушки — 18 лет (с учетом введения всеобщего среднего образования). Были и сторонники поддерживающие ранние браки, которые исходили из того, что независимо от возраста родителей, могут быть уважительные причины ранних браков, к коим относится рождение ребенка. Каждый случай подлежит рассматривать индивидуально, исходя прежде всего из интересов ребенка¹². Действуя во благо ребенка, родившегося у молодых родителей, было решено предоставить возможность вступать в брак по общему праву с 18 лет, а в исключительных случаях с 16 лет.

Итак, при обсуждении законопроектов неоднократно звучали мысли о важности семьи в деле воспитания подрастающего поколения, предоставлении полной защиты интересов женщин наравне с мужчинами вне зависимости от экономического положения, согласия начальства, родителей, вероисповедания и др. В июле 1969 г. на совместном заседании комиссий законодательных предположений по народному образованию, культуре и спорту, по здравоохранению и социальному обеспечению Верховного Совета РСФСР отмечалось, что «цель проекта Закона — создание и укрепление советской семьи, образованию в ней нормальных, крепких, хороших, дружественных отношений и правильному воспитанию детей, защите их интересов»¹³.

⁶ Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944.

⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 335. Л. 162.

⁸ Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397.

⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 334. Л. 32 об.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 334. Л. 211.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 334. Л. 249.

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 334. Л. 253.

¹³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 335. Л. 85.

30 июля 1969 г. был принят Кодекс о браке и семье РСФСР (далее — Кодекс 1969 г.). Данный законодательный акт вводил презумпцию отцовства для супруга в семейной паре при рождении ребенка, зародившись у римских юристов, эта классическая презумпция встречается в большинстве правовых систем. Ранее советские кодексы не вводили такую норму¹⁴. Согласно ст. 49 Кодекса 1969 г., состоящие в браке родители могли быть записаны в книге записей рождений по запросу. Презумпция отцовства была распространена на случаи рождения ребенка после смерти мужа или после расторжения брака¹⁵. Спустя три года его действия, в 1972 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР были проанализированы первые результаты применения на практике законодательства о браке и семье, в том числе нового Кодекса. После его принятия одинокой матери было предоставлено право устранить прочерк в свидетельстве о рождении, если отцовство в добровольном порядке или по суду не установлено, путем замены свидетельства о рождении новым, где имя и отчество отца записывалось бы по указанию матери. Однако было установлено, что на практике это право граждане использовали не в полной мере, что объяснялось неосведомленностью населения об изменении ранее действовавших правил. Например, в Ярославской области, в 1970 г. из 1.093 записей актов о рождении детей, матери которых не состояли в браке, сведения об отце ребенка не были указаны в 209 случаях (т.е. в 19 %) и за 9 месяцев 1971 г. из 727 актов о рождении в 172 случаях (т.е. в 23,6 %) ¹⁶.

Для устранения данной проблемы была проделана существенная работа по изучению нового законодательства, разъяснению его населению и претворению в жизнь. Стали практиковаться курсы усовершенствования, повышения квалификации, устраивались однодневные семинары и совещания работниками органов юстиции, ими прочитано около 4.000 лекций о новом законодательстве о браке и семье. В просвещении населения активно использовались телевидение и радиовещание, печать, также участие принимали общественные юридические консультации. Вся деятельность исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся была направлена на внедрение в быт «новых советских гражданских обрядов», обеспечение торжественной обстановки регистрации брака и рождений. В Калининградской области по телевидению были организованы передачи «Новый семейный кодекс» и «Новая социалистическая семья». По радио проведено 28 бесед, передач, консультаций. В Челябинской области опубликовано около 120 статей по этому вопросу.

На практике это привело к положительному эффекту. Так, по сведениям органов записи актов гражданского состояния только 20 областей, краев и автономных республик в 1970 г. по заявлению о добровольном признании зарегистрировали отцовство в отношении 62.330 детей (93,6 %) и за 9 месяцев 1971 г. — в отношении 44.395 детей (94 %) ¹⁷. Стоит отметить, что в 1984 г. были уточнены административные механизмы оспаривания отцовства, которые не были включены в Кодекс, а регулировались подзаконными актами. Согласно Инструктивным указаниям, мать, состоящая в зарегистрированном браке, могла потребовать исключения своего мужа из записи о рождении ребенка при наличии согласия обоих родителей, если иное не предусмотрено законами союзных республик ¹⁸.

Сложнее складывалась ситуация при рассмотрении дел в судах. Основы законодательства о браке и семье установили порядок, согласно которому расторжение брака могло производиться не только в судебном порядке, но и при определенных условиях в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС). Прекращение брака

¹⁴ Иванов А. А., Леканова Е. Е. Кодификация российского семейного права и презумпция отцовства: история и современность // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2022. № 2. С. 81.

¹⁵ Иванов А. А., Леканова Е. Е. Кодификация российского семейного права и презумпция отцовства: история и современность. С. 87.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 438. Л. 9.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 438. Л. 2, 7.

¹⁸ Иванов А. А., Леканова Е. Е. Кодификация российского семейного права и презумпция отцовства: история и современность. С. 87.

по Кодексу 1969 г. происходило в результате смерти или признания ее судом. Развод при жизни супругов мог быть инициирован одной или обеими сторонами¹⁹. Развод в органах ЗАГС не допускался при возникновении споров между супругами, как правило, по поводу раздела имущества и супружеских алиментов. Суд мог расторгнуть брак, если признавал дальнейшее совместное проживание невозможным, но при этом он был обязан принять меры по сохранению семьи и мог отложить разбирательство в связи с попытками примирения²⁰. Также путем судебного разбирательства часто решался вопрос о том, что родители, проживающие отдельно от ребенка, имеют право и обязаны участвовать в его воспитании, при этом другому родителю запрещалось препятствовать этому. Если договориться о свиданиях не удавалось, решение принимали органы опеки, а несоблюдение требований приводило к вмешательству суда. Однако это часто затягивало разрешение споров, что не отвечало интересам ни ребенка, ни разлученного родителя²¹. Новый порядок расторжения брака должен был привести к уменьшению количества дел этой категории в судах, однако положение почти не изменилось. Так, судами РСФСР в 1970 г. рассмотрено 301 475 дел о расторжении браков, а в первом полугодии 1971 г. — 160 079 дел, что на 4,3 % больше, чем за тот же период 1970 г. В 1971 г. судами РСФСР рассмотрено 315 088 дел о расторжении брака, а за 9 месяцев 1972 г. — 240 151 дело, что на 2,5 % больше, чем за тот же период 1971 г.²² Народными судами рассмотрено значительное количество дел об установлении факта признания отцовства в случае смерти лица, на содержании которого находился ребенок и которое признавало себя его отцом. При рассмотрении таких дел суды привлекали к участию в качестве заинтересованных лиц органы социального обеспечения, финансовые органы и граждан — членов семьи умершего, а также других родственников, что позволяло объективно рассматривать эти дела. В 1970 и 1971 гг. было рассмотрено соответственно 9 662 и 11 259 дел данной категории²³. Одновременно отмечались и типичные судебные ошибки, допускаемые судами при рассмотрении дел об установлении отцовства и факта признания отцовства. Так, судами не всегда обеспечивалось участие органов социального обеспечения и заинтересованных лиц по делам об установлении отцовства, в связи с чем имели место необоснованные решения (например, в Карельской и Мордовской АССР, Калининской, Курской и ряде других областей). Также отмечалось, что суды при рассмотрении дел о расторжении брака не выясняли взаимоотношения сторон, мотивы по которым ставился вопрос о разводе, не применяли меры для примирения супругов и удовлетворяли иски даже в тех случаях, когда совместная жизнь супругов еще не прекратилась. Нередко суды принимали к своему производству дела о расторжении брака, подведомственные органам записи актов гражданского состояния (подобные нарушения отмечались в Калининградской, Челябинской, Воронежской и других областях)²⁴. Изучение дел о расторжении брака показало, что суды в нарушении действующего законодательства не всегда проводили подготовку дел к судебному разбирательству, допускали излишнюю поспешность и упрощенность при их рассмотрении. Например, в одном бракоразводном деле было установлено, что супруги Н. прожили совместно 27 лет, от брака имели троих детей, из которых один несовершеннолетний. Истец 4 августа 1971 г. обратился в Ленинский районный народный суд г. Воронежа с заявлением о расторжении брака. На

¹⁹ Инюкина С. А. К вопросу о прекращении и расторжении брака в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. // Общество и право. 2009. № 2 (24). С. 23.

²⁰ Инюкина С. А. К вопросу о прекращении и расторжении брака в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. С. 25.

²¹ Бурданова Н. А. Правовое регулирование отношений, возникающих между родителями и детьми при раздельном проживании родителей: историко-правовой аспект // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 103.

²² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 438. Л. 29.

²³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 438. Л. 2.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 438. Л. 3.

другой день дело было рассмотрено и брак расторгнут²⁵. В другом деле гражданин Н. обратился в Советский городской народный суд Калининградской области с просьбой расторгнуть брак с женой, от брака с которой он имел двоих несовершеннолетних детей. Ответчица возражала против расторжения брака, заявила в суде, что семью можно сохранить, если истец изменит свое поведение. Несмотря на это, суд дело не отложил и вынес решение о расторжении брака. Между тем выполнение требований закона в части примирения супругов способствовало бы укреплению семьи и исключило бы прекращение брака в результате временного разлада между супругами. Например, отмечалось, что в Воронежской области, каждое четвертое, а в Челябинской области, каждое третье дело из тех, по которым судом был назначен срок для примирения супругов, впоследствии прекращалось за примирением сторон²⁶.

Послевоенные изменения в брачно-семейном законодательстве ввели процедуру добровольного взыскания алиментов по месту работы. Кодекс 1969 г. посвятил отдельные главы родительским, семейным и процессуальным аспектам алиментных обязательств. До сих пор ведутся научные и практические споры о целесообразности единовременных выплат алиментов, причем мнения по поводу их назначения и целесообразности расходятся²⁷. При этом количество в судах дел о взыскании алиментов не снижалось. Так, в первом полугодии 1971 г. судами было рассмотрено 176 046 дел о взыскании алиментов на детей, что на 5 017 дел больше, чем за аналогичный период прошлого года. Предусмотренный добровольный порядок уплаты алиментов не получил широкого распространения. В случаях принудительного обзаведения к уплате алиментов также имелись проблемы, к числу которых можно отнести частые судебные ошибки: невыяснение в суде размера заработка лица, обязанного платить алименты; принятие во внимание заработка ответчика; полное освобождение родителей от уплаты алиментов; ошибки при уменьшении размера оплаты алиментов. Указанные случаи противоречили Кодексу и были серьезными недостатками в деятельности судов. Как следствие, в первом полугодии 1971 г. в кассационном порядке были полностью отменены решения по 287 делам (13,7 %), отменены решения в части по 24 делам и изменены решения по 133 делам²⁸. В Кодекс 1969 г. были введены долевые алименты на несовершеннолетних детей, выплаты в твердой сумме и положения о детях, находящихся в детских учреждениях. Родители теперь несли дополнительные расходы на детей, а временное содержание предоставлялось до решения суда. Суды могли корректировать размер алиментов на несовершеннолетних детей. Кодекс 1969 г. также расширил алиментные обязательства, включив в них членов приемной семьи и опекунов²⁹.

Другая проблема несвоевременного взыскания алиментов заключалась в том, что администрации предприятий и организаций, где работали плательщики алиментов не своевременно производили с них соответствующие удержания по исполнительному листу. В некоторых случаях имело место принятие на работу без прописки и документов, что безусловно осложняло поиск злостных неплательщиков. Несмотря на активный поиск лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, проставление органами милиции отметки в паспортах лиц, осужденных за злостное уклонение от уплаты алиментов, наблюдалась тенденция к увеличению количества разыскиваемых лиц. Так, в 1969 г. находилось в розыске 59 119 человек, было разыскано 81 %, в 1970 г. — 63 979, а разыскано 83,1 %³⁰.

²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 438. Л. 10.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 438. Л. 11.

²⁷ Петрова Н. Д. История алиментных обязательств в советский период: сравнение с нормами современного законодательства // Образование и право. 2020. № 3. С. 372.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 438. Л. 12, 13.

²⁹ Богданова Т. В. Исторический аспект становления и развития законодательства, регулирующего порядок взыскания алиментов // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. № 1. С. 48.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 385. Оп. 26. Д. 438. Л. 12, 15.

Принятие нового брачно-семейного кодекса обуславливалось серьезной социально-экономической и политической трансформацией всего общественного развития. На протяжении длительного периода 1940-х — 1960-х гг. происходило обсуждение новых положений, кардинально отличавшихся от существовавших норм по вопросам установления отцовства, упрощения процедуры развода. В основе демократизации брачно-семейных норм интересы детей, семьи. Анализ практики применения Кодекса позволил выявить проблемы реализации нововведений. Имелись серьезные упущения в деятельности судов при разрешении споров, вытекающих из брачно-семейных отношений и исполнении судебных решений, а также недостатки прокурорского надзора. Возможно, исполнительные комитеты местных Советов депутатов трудящихся не в достаточной степени проводили организаторскую работу по разъяснению действующего законодательства о браке и семье и претворению его в жизнь. Однако представляется, что первопричина, по которой наблюдался «завал» дел о взыскании алиментов и увеличение числа злостных неплательщиков крылась в том, что на протяжении долгого периода времени отсутствовала социальная концепция отцовства. Еще не сформировался опыт выстраивания отношений с отцом не как с «содержателем», а как с родителем, чьи отношения ценны вне зависимости от регистрации брака и материальной поддержки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданова Т. В. Исторический аспект становления и развития законодательства, регулирующего порядок взыскания алиментов // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2010. — № 1. — С. 44–50.
2. Бурданова Н. А. Правовое регулирование отношений, возникающих между родителями и детьми при раздельном проживании родителей: историко-правовой аспект // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2010. — № 3. — С. 102–105.
3. Денисова Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. — М. : Памятники ист. мысли: Роспэн, 2007. — 476 с.
4. Иванов А. А., Леканова Е. Е. Кодификация российского семейного права и презумпция отцовства: история и современность // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2022. — № 2. — С. 79–90.
5. Инюкина С. А. К вопросу о прекращении и расторжении брака в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. // Общество и право. — 2009. — № 2 (24). — С. 23–25.
6. Петрова Н. Д. История алиментных обязательств в советский период: сравнение с нормами современного законодательства // Образование и право. — 2020. — № 3. — С. 370–375.

REFERENCES

1. Bogdanova TV. Historical aspect of the formation and development of legislation regulating the procedure for collecting alimony. *Zakonnost i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*. 2010;1:44-50. (In Russ.).
2. Burdanova NA. Legal regulation of relations arising between parents and children during separation of parents: historical and legal aspect. *Society. Environment. Development. (Terra Humana)*. 2010;3:102-105. (In Russ.).
3. Denisova LN. The fate of the Russian peasant woman in the 20th century: marriage, family, everyday life. Moscow: Monuments of historical thought: ROSSPEN Publ.; 2007. (In Russ.).
4. Ivanov AA, Lekanova EE. Codification of Russian family law and the presumption of paternity: history and modernity. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*. 2022;2:79-90. (In Russ.).
5. Inyukina SA. On the issue of termination and dissolution of marriage in the RSFSR Code on Marriage and Family of 1969. *Obshchestvo i pravo*. 2009;2(24):23-25. (In Russ.).
6. Petrove ND. History of maintenance obligations in the soviet period: comparison with the norms of modern legislation. *Education and Law*. 2020;3:370-375. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.30.2.061-063

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Казаков Никита Дмитриевич,

магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 84, стр. 1

n.kazakov@rightsrf.ru

© Казаков Н. Д., 2024

Аннотация. На сегодняшний день остро встала перспектива реформы как государственного, так и негосударственного контроля. Для решения этой проблемы требуется применение комплексного подхода. Сюда необходимо включить совершенствование форм и методов контрольно-надзорной деятельности, анализа способов повышения их эффективности. Для обеспечения стабильности и развития в обществе государству необходимо проводить контрольные мероприятия, с применением контрольных функций. Эти функции включают в себя охват таких сфер как, экономические, социальные и политические.

Ключевые слова: государство; право; законодательство; закон; исполнительная власть; государственный аппарат; государственный орган; государственный контроль; механизм.

THE MECHANISM OF CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Nikita D. Kazakov,

Master's Student, Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

n.kazakov@rightsrf.ru

Abstract. To date, the prospect of reform of both state and non-state control has become acute. To solve this problem, an integrated approach is required. This should include improvement of forms and methods of control and supervisory activities, analysis of ways to increase their effectiveness. To ensure stability and development in society, the state needs to carry out control measures using control functions. These functions include coverage of areas such as economic, social and political.

Keywords: State; law; legislation; law; executive power; state apparatus; state body; state control; mechanism.

Понятие государственный контроль сформировалось очень давно. В настоящее время во всех развитых странах представлены такие виды государственного контроля, как, бюджетный, финансовый и административный¹.

Благодаря собранным в литературе знаниям, наблюдается, что более продуктивно контроль-надзорная система работает в странах, имеющих независимую систему контрольно-надзорных органов. Это связано с тем, что основной задачей органов контроля является выяснение реального положения государственного механизма. Начиная с 2016 г. Россия широко стала применять систему риск-ориентированного подхода при проведении проверок. В настоящее время такой подход применяется только при проведении плановой проверки при наличии у организации умеренной категории риска и далее по возрастанию категории риска. Основные сферы, в которых применяется система риск-ориентированного подхода, следующие²:

- налоговое администрирование, банковское и страховое регулирование (регулирование банковской деятельности на основе рискованной модели было закреплено в соглашении «Базель II» (документ Базельского комитета по банковскому надзору «Международная конвергенция измерения капитала и стандартов капитала: уточненные подходы») и в Европейской директиве по требованиям к капиталу);
- обеспечение защиты от чрезвычайных ситуаций, техногенных и природных катастроф;
- здравоохранение; безопасность продуктов питания и санитарно-эпидемиологическое благополучие; ветеринария и сельское хозяйство; охрана окружающей среды.

Европейский подход к проведению контрольно-надзорной деятельности отражает высокую степень результата действующего контрольно-надзорного органа.

В России применяется единый реестр проверок, в который каждый контрольно-надзорный орган вносит свои проверки. Данную информацию контролирует и проверяет прокуратура. Поступление информации о проверке может контролировать сама организация, в отношении которой проводятся контрольно-надзорные мероприятия. Но при этом предприниматель не может провести анализ проверки, увидеть вид контроля и понять периодичность проведения проверки в отношении конкретной организации.

В России в 2021 г. вступил в действие единый реестр видов контроля, в который войдут все уровни проверок: федеральный, региональный и муниципальный³. Система обязывает контрольно-надзорный орган публиковать в открытом доступе цели и задачи проводимого контрольно-надзорного мероприятия. При этом данная система активно используется контрольно-надзорными органами в Канаде с начала 80-х гг. Это позволило государству сократить расходы на содержание многочисленных контрольно-надзорных органов, посредством объединения государственных ведомств, исключив повторение функций контрольно-надзорных органов.

Система контрольно-надзорных органов европейский государств ориентирована в сторону упрощения системы проведения контрольно-надзорных мероприятий, и здесь главный акцент стоит на оценке работы проверяющего. Проверяющий выступает консультантом, а не контролером. Задача состоит в предупреждении, а не наложении наказания. Конечно, здесь четко просматривается работа европейских специалистов в области контрольно-надзорной деятельности на опережение и оптимальное достижение результата при достижении целей защиты государства по причинению угроз жизни, здоровью граждан и безопасной работе бизнеса. Доверие бизнеса достигается контрольно-надзорным органам за счет продуманной системы переобучения персонала, и таким образом, что, снизило и, как следствие, привело к повышению результата работы контрольно-надзорных органов.

¹ Власенко Н. А. Контроль и надзор в российском государстве // Право и политика. 2020. № 8. С. 119–121.

² Стариков Ю. Н. Курс общего административного права : в 2 т. М. : Норма : Инфра-М, 2002. Т. 1. С. 54.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

Разработка классификации критериев оценки эффективности контрольно-надзорной деятельности строится на основе разработанных показателей эффективности установленных Указом Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»⁴, поручения Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева от 28.07.2015 № ДМ-П36-5080, направленного на реализацию п. 3 поручения Президента РФ В. В. Путина от 13.07.2015 № Пр-1348, в рамках подготовки внедрения системы оценки эффективности и результативности деятельности контрольно-надзорных органов.

Система ключевых показателей эффективности предусматривает всесторонний анализ деятельности и позволяет провести общую оценку эффективности их работы, которая учитывается при принятии решений о дополнительном материальном стимулировании, а также при принятии кадровых решений.

Система показателей направлена на:

- восстановление нарушенных трудовых прав работников;
- профилактику угроз, по причинению вреда жизни и здоровью граждан;
- снижение уровня травматизма на производстве;
- легализацию трудовых отношений между работодателями и работниками;
- ликвидацию просроченной задолженности по заработной плате.

Структура ключевых показателей эффективности состоит из 2 групп:

1) результат и качество выполнения функций.

В эту группу относят следующие показатели:

- количество контрольно-надзорных мероприятий на одного сотрудника;
- постановления о назначении административных наказаний по охране труда, в %;
- отмененные административные взыскания в виде доли.

2) наличие экономической эффективности.

Ключевые показатели эффективности вместе с их весовыми коэффициентами склонны к уменьшению от одного планового периода к другому. Это связано с тем, что направление развития обусловлено приоритетами, которые были сформулированы государством. Оценка выполнения каждого показателя в количественной оценке осуществляется путем подсчета баллов. По каждому показателю определяется количество баллов путем суммирования значения норматива и отклонения. Конечный результат оценки эффективности деятельности определяется итоговым значением баллов и выглядит как сумма произведений показателей эффективности контрольно-надзорной деятельности на весовые коэффициенты значения каждого показателя в баллах. Дополнительно органом исполнительной власти, осуществляющим вид контрольно-надзорной деятельности, могут быть установлены другие показатели. В установленный перечень тогда могут быть включены не только показатели, характеризующие отраслевые особенности контрольно-надзорной деятельности, но и отдельные контрольно-надзорные мероприятия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Власенко Н. А. Контроль и надзор в российском государстве // Право и политика. — 2020. — № 8. — С. 119–121.
2. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права : в 2 т. Т. 1. — М. : Норма : Инфра-М, 2002. — 711 с.

REFERENCES

1. Vlasenko N.A. Control and supervision in the Russian state. *Law and Politics*. 2020;8:119-121. (In Russ.).
2. Starilov YuN. General administrative law course: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2002. (In Russ.).

⁴ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.30.2.064-071

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ПАТЕНТНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мухаринов Аюка Артурович,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
aamukharinov@gmail.com

© Мухаринов А. А., 2024

Аннотация. В статье приводятся и анализируются проблемы, связанные с развитием патентного права. Развитие системы патентов в России позволит оказать положительное влияние на экономический рост и обеспечит определенную автономность в экономической сфере. Актуальность данной проблемы связана с бурным технологическим развитием других государств. Автором приводятся три основные причины слабого развития патентной сферы в Российской Федерации: интеллектуальная миграция, несовершенство правового регулирования патентного законодательства и проблемы, связанные с правовой защитой патента, в частности с судебной защитой патентных прав. Автором анализируется опыт зарубежных стран в решении проблемы оттока человеческого капитала и оценивается возможность применения различных подходов в решении данной проблемы в Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что данные подходы не могут быть в полной мере использованы в России на данный момент, в связи с чем необходимо кардинальное изменение экономической ситуации в государстве. Несовершенство правового регулирования связано с относительно недавним введением закона, регулирующего патентное право, а также с малым количеством выработанной практики по данному законодательству, поэтому масштабные изменения в законодательстве автором не предлагаются, однако корректировки в некоторых областях патентного законодательства необходимы. Также обозначена проблема судебной защиты патентных прав, связанная с большой нагрузкой судов вследствие большого количества дел, в связи с чем одним из возможных решений проблемы предлагается изменение механизма досудебного порядка урегулирования споров.

Ключевые слова: патентное право; интеллектуальные права; экономическое развитие; человеческий капитал; правовая защита; судебная защита; досудебный порядок урегулирования споров; иностранный опыт; наука; научная деятельность; технологии; IT-сфера; бедность; социальная сфера; миграция.

SOME PROBLEMS OF PATENT LAW DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ayuka A. Mukharinov,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
aamukharinov@gmail.com

Abstract. *The paper presents and analyzes the problems associated with the development of patent law. The development of the patent system in Russia will have a positive impact on economic growth and will provide a certain autonomy in the economic sphere. The urgency of this problem is associated with the rapid technological development of other states. The author gives three main reasons for the weak development of the patent sphere in the Russian Federation: intellectual migration, imperfection of the legal regulation of patent legislation and problems associated with the legal protection of a patent, in particular, with the judicial protection of patent rights. The author analyzes the experience of foreign countries in solving the problem of human capital outflow and assesses the possibility of using various approaches in solving this problem in the Russian Federation. The author concludes that these approaches cannot be fully used in Russia at the moment. Therefore, a radical change in the economic situation in the state is necessary. Imperfect legal regulation is associated with the relatively recent introduction of the law regulating patent law, as well as with a small amount of developed practice under this legislation. Therefore, the author does not propose large-scale changes in the legislation, but adjustments in some areas of patent law are necessary. The problem of judicial protection of patent rights associated with the large workload of courts due to the large number of cases is also indicated. Thus, as one of the possible solutions to the problem the author proposes to change the mechanism of pre-trial settlement of disputes.*

Keywords: *patent law; intellectual rights; economic development; human capital; legal protection; judicial protection; pre-trial dispute resolution; foreign experience; science; scientific activity; technology; IT; poverty; social sphere; migration.*

Мировое сообщество охватил качественный скачок в развитии технологий и индустриального общества в целом. Патентное право является одним из условий дальнейшего развития общества и экономики, однако в России сфера создания и использования патентов недостаточно развита. Существует несколько причин малого количества патентов: отток человеческого капитала; несовершенство правового регулирования патентного законодательства; проблемы правовой защиты патента.

Отток человеческого капитала (интеллектуальная миграция; иногда в литературе — «утечка мозгов») — социальный процесс, при котором из страны уезжают специалисты, высококвалифицированные работники и ученые, труды, знания и способности которых могли быть направлены на развитие общества¹, поэтому данный процесс негативно влияет на развитие государства, у которого произошла «утечка мозгов». Вместе с тем процесс может быть вызван как определенными негативными факторами, например низким качеством жизни, высокой безработицей, общим снижением развития науки и технологий, отсутствием должных условий развития человеческого потенциала (характерно для России), так и даже активным развитием государства, например достижением государством определенного уровня развития, позволяющего миграцию специалистов (характерно для развивающихся стран, например Китая или Индии). Во всех случаях миграция происходит в страны, где, по мнению специалистов-мигрантов, качественнее происходит развитие человеческого потенциала, выше уровень жизни, стабильнее экономическое развитие и т.д.

Если рассматривать иностранный опыт на примере Китая и Индии, двух развивающихся стран с огромным количеством населения, где исторически развитие происходило во второй половине XX в. и первой половине XXI в., можно заметить, что отток человеческого капитала происходил на фоне ускоренного развития

¹ Чинных Н. П. Профилактика снижения уровня оттока человеческого капитала в России // Исследования человеческого капитала как стратегического ресурса социально-экономического развития: теория, методы, практика : сборник материалов Всерос. молодеж. науч. конференции. Екатеринбург, 24–25 апреля 2014 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 236.

государства, и при этом наблюдается различные подходы к уменьшению негативных факторов процесса миграции и увеличению пользы от данной миграции. Рассмотрим следующие два подхода.

Китайский подход. Это создание благоприятной среды для возвращения мигрантов на родину с их последующей поддержкой. В целом подобный подход характеризуется следующими условиями: адаптация возвратившихся специалистов, создание инфраструктуры, различные преференции, высокие заработные платы и другие мероприятия, совокупность которых позволяет конкурировать с условиями стран, из которых возвращаются мигранты². Однако подобный подход не лишен недостатков, среди которых наблюдается как приоритет специалистов-мигрантов перед внутренними специалистами, а также использование разработанных технологий преимущественно в качестве экспорта. Данный подход к России применить крайне сложно, так как создание благоприятной среды для возвращения человеческого капитала требует огромного количества условий, выполнить которые в кратчайшие сроки невозможно, с учетом внешнеполитической ситуации.

Индийский подход. В отличие от КНР, где использовался подход по физическому возвращению человеческого капитала через предоставление различных преференций на территории Китая, в Индии через преференции человеческий капитал конвертируется в экономический. Грубо говоря, отток человеческого капитала воспринимается как некий актив, который сохраняет связь со страной происхождения через финансы (стимулирование инвестиций, льготы по денежным переводам и иные аспекты), что положительно влияет на приток денежного капитала в экономику государства, однако имеет слабое влияние на участие данных специалистов в развитии социально-экономического сектора. Для России подобная практика ближе, однако результаты политики Индии в данной сфере крайне слабо затрагивают решение проблем патентного права.

И в Китае, и в Индии первоначальным методом борьбы с интеллектуальной миграцией была политика запретов, которая, как показал опыт, является крайне малоэффективной и разрешает проблему лишь в краткосрочной перспективе.

В Российской Федерации ситуация отличается от вышеупомянутых государств: интеллектуальная миграция набирает обороты на фоне общего ухудшения научной и социально-экономической сферы, которая на данный момент отягощается и внешнеполитической ситуацией. Так, например, по данным Росстата, число граждан с денежными доходами меньше прожиточного минимума (бедных) на 2022 г. составляет 9,8 % от всего населения России, или 14,3 млн человек³. При этом стоит учесть то, прожиточный минимум опирается лишь на базовые, первоочередные потребности человека⁴, которые необходимы лишь для продления жизни как таковой, что приводит к отсутствию у людей достаточного капитала для развития своего потенциала.

Стоит упомянуть также и научно-технологическую инфраструктуру. При относительной стабильности числа научных организаций с тенденцией к постепенному увеличению с 2000 по 2022 г. в Российской Федерации наблюдается постепенное снижение числа исследователей в различных областях. Если на 2010 г. зарегистрировано максимально низкое число научных организаций — 3 492, и при этом зарегистрировано 368 915 научных исследователей, то на 2022 г. наблюдается повышение числа научных организаций до 4 195 и уменьшение общего числа исследователей до

² Соколов Д. В. Интеллектуальная миграция в Китае, Индии и России: некоторые международные сопоставления // Управление наукой и наукометрия. 2016. № 3. С. 52–53.

³ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab2-1.xlsx> (дата обращения: 30.06.2024).

⁴ Уринсон Я. М. Динамика человеческого капитала и темпы роста // Бизнес. Общество. Власть. 2019. № 1 (31). С. 68.

340 666⁵. Очевидно, что само по себе повышение числа исследовательских центров не может позитивно повлиять на уменьшение тенденции к оттоку человеческого капитала, и в этом случае стоит обратить внимание на частные организации. Огромное количество государственных и муниципальных научных центров, с одной стороны, помогает организовывать полезную научную деятельность в необходимых отраслях науки и эффективно управлять ею, однако с другой стороны, монополизация научной деятельности неизбежно приводит к ухудшению качества инноваций и снижению мотивации к исследованиям. Подобную проблему возможно решить с помощью увеличения числа частных научно-исследовательских компаний, причем, исходя из статистики, уже отмечается тенденция к демополизации данной сферы, поэтому необходимо поощрять стремление к демополизации.

Необходимо создать среду, благоприятную для развития бизнеса, а не использовать единичные преференции и льготы. В качестве возможного решения проблемы можно назвать развитие ИТ-сферы. Данное решение позволяет создать рабочие места при относительно низких затратах для бизнеса, увеличить влияние ИТ-услуг на развитие экономики, а также благоприятным образом повлиять на социально-экономическую сферу. Более того, развитие ИТ-услуг неизбежно приводит к потребности как в производстве электроники, так и в развитии технологий, используемых в данной сфере.

Российское патентное законодательство было кодифицировано в 2008 г. и, естественно, за короткий промежуток времени не могло бы каким-либо образом качественно улучшить ситуацию с интеллектуальной собственностью как сектором экономики. Однако при этом оно имеет ряд проблем, связанных как с получением и охраной патента, так и с патентным правом вообще. Согласно данным Роспатента, число изобретений за последние 4 года снизилось и достигло отметки в 26 924 ед. (34 984 ед. на 2020 г.)⁶. Для анализа состояния и эффективности патентного законодательства необходимо в целом рассмотреть законодательство об интеллектуальной собственности.

Патентное законодательство России опирается на международный (Парижская конвенция по охране промышленной собственности, соглашение ТРИПС) и зарубежный опыт, вместе с тем имеет ряд противоречий с международными стандартами в области интеллектуальной собственности, например, в терминологии, толковании норм и т.д. Само понятие интеллектуальной собственности трактуется в России и за рубежом по-разному: так, в признанной зарубежной практике интеллектуальной собственностью признаются права на РИД и средства индивидуализации, в отличие от России, где интеллектуальная собственность рассматривается как совокупность таких результатов и средств⁷. Также стоит отметить закрытый перечень результатов интеллектуальной собственности и средств индивидуализации, что противоречит основным международным Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, непоследовательность списка результатов

⁵ Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки (по типам организаций; по секторам деятельности) (с 2000 г.) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nauka_1.xls (дата обращения: 30.06.2024) ; Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) (с 2010 г.) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nauka_3.xls (дата обращения: 30.06.2024).

⁶ Годовой отчет 2022 : Ежегодное официальное издание Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) // URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2022-ru.pdf> (дата обращения: 30.06.2024).

⁷ Мирских И. Ю., Логинова Т. Е. О противоречиях норм международного права и права Российской Федерации в сфере охраны интеллектуальной собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 3. С. 129–130.

интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, отсутствие творческого характера как условия охраноспособности у ноу-хау и т.д.

В патентном законодательстве существуют исключения из приоритета изобретения, полезной модели и промышленного образца, называемые льготами, указанные в ст. 1350–1352 ГК РФ. Так, раскрытие информации об патентуемых объектах заявителем не препятствует признанию патентоспособности соответствующих объектов. Однако подобное положение сильно влияет на принцип новизны. Европейская патентная конвенция (ЕПК) устанавливает только два строгих случая, когда действуют исключения: очевидное злоупотребление в отношении заявителя и участие в официальной выставке, которая подпадает под условия Конвенции о международных выставках, подписанной в Париже 22 ноября 1928 г.⁸ Немецкое патентное право добавляет еще одно условие: раскрытие информации определенному кругу лиц, и при этом данное исключение в Германии работает 4 месяца, а не 6 месяцев, установленных в ЕПК и в российском законодательстве⁹. Испания же добавляет еще одно условие: раскрытие изобретения вследствие испытаний, проведенных заявителем¹⁰. Учитывая отсутствие уточнения понятия «раскрытие информации», данное исключение в российском законодательстве крайне сильно влияет на принцип новизны патентуемых объектов¹¹.

Большинство патентуемых объектов в России являются служебными (более 80 % на 2013 г.), при этом субъектами правоотношений по служебным патентуемым объектам являются работник и работодатель, которые не являются равноправными, хотя и участвуют в гражданских правоотношениях, где стороны изначально равноправны между собой. Подобная сложность в отношениях должна быть максимально четко урегулирована, как, например, в Германии, где принят отдельный закон о служебных изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах. Однако в России до сих пор не принят даже подзаконный акт о минимальном вознаграждении за служебный патентуемый объект, в связи с чем применяется действующий Закон СССР «Об изобретениях», который на практике не применяется в связи с диспозитивностью заключаемых договоров между работником и работодателем, где применяются меньшие ставки. Отсюда возникает и путаница в законодательстве, потому что применяются и международные акты и договоры, и российское законодательство, и действующее советское законодательство при кодифицированном российском акте.

Характеризуя современное российское патентное законодательство, можно сделать вывод о формально подобном законодательстве РФ законодательствам зарубежных стран при большом количестве противоречий, носящих как мелкий характер, так и некоторых принципиальных отличий. Одним из причин существующих подобных проблем видится процесс вступления в ВТО, в рамках которого все интеллектуальное законодательство было переработано под условия ВТО, где сохранилась российская доктрина патентного права с зарубежным опытом. Одним из решений является системный подход к полной переработке патентного законодательства с упором на международные акты и зарубежный опыт. При этом для действительного развития сферы патентов стоит обратить особое внимание именно на практический опыт, выработанный разработчиками изобретений и предпринимателями, использующих данные изобретения в своих производствах, а не на теоретические коллизии и проблемы, часть из которых были описаны выше, ведь та же критика действия законов,

⁸ Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) от 05.10.1973, пересмотренная 17 декабря 1991 г. актом пересмотра статьи 63 ЕПК и актом пересмотра от 29.11.2000 // СПС «Кодекс» (дата обращения: 30.06.2024).

⁹ Патентный закон ФРГ от 1981 г. (с изм. от 23.03.1993) // Зарубежное патентное законодательство. 2-е изд., доп. М., 1998. Т. 2. С. 294.

¹⁰ Испания. Закон о патентах 11/1986 г. от 20.03.1986 // Законы зарубежных стран по изобретениям и полезным моделям. М., 2005. Т. 2. С. 246.

¹¹ Ермаков Р. В. О некоторых актуальных проблемах российского патентного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 132.

а равно и его отсутствие будет более ценным для практического применения, чем выведенные из теории положения¹².

Решение проблем, связанных с патентным законодательством, тем не менее само по себе не решит проблему защиты патентных прав. Основной формой защиты прав является суд, однако с ним и связана основная проблема. С одной стороны, наблюдается огромная нагрузка на судебную систему, связанная с большим количеством дел: по данным с официального сайта Верховного Суда РФ, в 2022 г. российские суды рассмотрели более 40 млн дел, из них 25,7 млн — гражданские дела, 1,7 млн — экономические споры, что означает огромную роль судов в разрешении правовых споров¹³. С другой же стороны, большая нагрузка влияет на время рассмотрения дела: по данным электронной газеты «Ведомости», среднее время рассмотрения дела судьей Арбитражного суда г. Москвы составляет 1 час 7 минут, куда входят все процессуальные действия и разбирательство по существу, и вместе с тем нарушение срока рассмотрения дела (2 месяца для гражданских дел, 6 месяцев для арбитражных споров) негативно влияет на оценку работы судьи¹⁴. Всё это негативно влияет на правильное разрешение дел и, соответственно, работу судов как института защиты прав граждан и организаций.

Несмотря на установленные ГПК РФ и АПК РФ сроки рассмотрения дела, по состоянию на 2021 г. в судах общей юрисдикции в пределах процессуальных сроков рассмотрено лишь 59,5 % гражданских дел, хотя при этом арбитражными судами с превышением установленных АПК РФ сроков по первой инстанции было рассмотрено 1,6 % дел¹⁵. Также определенную сложность вызывает определение суда по предметной подсудности. В зависимости от сторон и категории спора разбирательство может происходить как в суде общей юрисдикции, так и в арбитражном суде, вследствие чего рассмотрение и разрешение сходных дел может кардинально различаться.

В то же время в Суд по интеллектуальным правам в 2022 г. поступило лишь 1 252 исковых заявления. Такое относительно малое количество дел вызвано следующим: анализ полномочий Суда по интеллектуальным правам позволяет сделать вывод о том, что суд рассматривает в основном дела публичного характера об оспаривании актов и решений публичных образований, и лишь проверяет законность уже вступивших в силу решений арбитражных судов. При спорах между частными лицами Суд способен лишь косвенно защитить права пострадавшей стороны через признание права на РИД, признание патента недействительным, досрочное прекращение правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования и установление патентообладателя.

Патенты со временем утрачивают свою новизну и актуальность в условиях конкуренции, а стремительное развитие технологий все сильнее уменьшают полезное время патента, то есть патент быстрее теряет актуальность. Об этом, например, свидетельствует французский опыт: если в редакции Кодекса Франции об интеллектуальной собственности до 28 июля 2001 г. срок защиты составлял 25 лет со дня подачи заявки с возможностью дополнительного продления на 25 лет (по факту максимум — 50 лет), то с 28 июля 2001 г. срок защиты составляет 5 лет с

¹² Румянцева В. Г. К вопросу о творческой силе юриспруденции // Российское право онлайн. 2021. № 4. С. 74.

¹³ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

¹⁴ Хвалеи В. В арбитражных судах слишком много дел // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/09/03/838644-arbitrazhnikh-sudah> (дата обращения: 30.06.2024).

¹⁵ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2021 году // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_AS_v_2021.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

возможностью поэтапного продления на 5 лет до максимального срока 25 лет¹⁶. В подобных условиях время для патентообладателей становится более ценным, поэтому защита патентов в судебном порядке является не самым быстрым способом.

На практике встречаются следующие ситуации: слишком подробно описанные патентуемые объекты сужают круг объектов, защищаемых патентами, чем и пользуются недобросовестные лица. Любое малое изменение характеристик объекта за пределами заявки без изменений принципов его работы формально создает новый объект, который также патентуется и используется, не нарушая при этом закона (за исключением принципа добросовестности). В таком случае фактические патентообладатели вынуждены обращаться в суд за защитой своих прав, однако вместе с тем они терпят издержки в связи с рассмотрением дела, тратят время, которое в случае применения обеспечительных мер временно прекращает фактическое действие патента, а также не всегда дело может закончиться успехом. И хотя подобные ситуации — новое явление для России¹⁷, это также влияет на выбор защиты своих прав без использования патентов, например через коммерческую тайну, законодательство о которой имеет пробелы, которые позволяют легально получить доступ без соответствующего наказания недобросовестных лиц. Всё это свидетельствует о системной проблеме развития патентного законодательства.

Проблему с высокой загруженностью судов возможно решить, в частности, подробным регулированием механизма обязательного досудебного порядка разрешения споров и расширением категорий дел с обязательным досудебным административным порядком разрешения споров. Как показала практика в налоговой сфере, введение обязательного административного порядка разрешения некоторых налоговых споров через жалобы и апелляционные жалобы в совокупности с развитием налоговых органов снизила количество дел в рамках налогового права. Обязательный досудебный порядок для споров на данном этапе не работает должным образом, так как в гражданском законодательстве отсутствует минимальный или максимальный период между претензией и исковым заявлением, что ведет к возможности одновременного направления претензии и искового заявления вне зависимости от отзыва на претензию, что ведет к увеличению нагрузки на суд. Расширение полномочий Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) в части урегулирования разногласий также поможет снизить нагрузку на суды. Подобные изменения, с одной стороны, не ограничат конституционное право граждан и организаций на обращение в суд, с другой стороны, количество дел, рассматриваемых в судах, уменьшится.

Проблематика развития патентного права носит системный характер и не ограничивается проблемами, указанными в данной статье. Например, как указывает И. А. Исаев, «во всех технических системах именно человеческий мозг определяет в конечном счете их главные цели»¹⁸, причем «человеческим мозгом» в данном случае может быть не только создатель изобретений, но и их оператор, которого необходимо обучить работать с данными технологиями, что, в свою очередь, приводит к необходимости дополнительной квалификации, если данные патенты распространяются на другие производства. Помимо этого, изменение действующего патентного законодательства не сможет само по себе привести к увеличению количества полезных изобретений ввиду отсутствия предприятий, способных генерировать идеи для патентования, однако должное решение вышеуказанных проблем позволит создать благоприятную среду для развития производства, что благоприятно скажется и на экономике государства, что, в свою очередь, приведет к развитию как системы патентов в частности, так и сферы технологий в целом.

¹⁶ Code de la propriété intellectuelle // République française; Secrétariat général du gouvernement. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006279332/1992-07-03/ (дата обращения: 30.06.2024).

¹⁷ Шуртаков К. В. «Патентные тролли»: анализ зарубежной и российской практики // Экономика науки. 2016. № 4. С. 293.

¹⁸ Исаев И. А. «Машина власти» или легализация техники // Lex russica (Русский закон). 2019. № 1 (146). С. 127.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ермаков Р. В. О некоторых актуальных проблемах российского патентного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 2. — С. 130–134.
2. Исаев И. А. «Машина власти» или легализация техники // Lex russica (Русский закон). — 2019. — № 1 (146). — С. 119–143.
3. Мирских И. Ю., Логинова Т. Е. О противоречиях норм международного права и права Российской Федерации в сфере охраны интеллектуальной собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2010. — № 3. — С. 128–132.
4. Румянцева В. Г. К вопросу о творческой силе юриспруденции // Российское право онлайн. — 2021. — № 4. — С. 73–76.
5. Соколов Д. В. Интеллектуальная миграция в Китае, Индии и России: некоторые международные сопоставления // Управление наукой и наукометрия. — 2016. — № 3. — С. 45–63.
6. Уринсон Я. М. Динамика человеческого капитала и темпы роста // Бизнес. Общество. Власть. — 2019. — № 1 (31). — С. 67–76.
7. Хвалеи В. В арбитражных судах слишком много дел // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/09/03/838644-arbitrazhnih-sudah> (дата обращения: 30.06.2024).
8. Чинных Н. П. Профилактика снижения уровня оттока человеческого капитала в России // Исследования человеческого капитала как стратегического ресурса социально-экономического развития: теория, методы, практика : сборник материалов Всероссийской молодежной научной конференции. Екатеринбург, 24–25 апреля 2014 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — С. 235–239.
9. Шуртаков К. В. «Патентные тролли»: анализ зарубежной и российской практики // Экономика науки. — 2016. — № 4. — С. 293–303.

REFERENCES

1. Ermakov RV. On some current problems of Russian patent legislation. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2013;2:130-134. (In Russ.).
2. Isaev IA. Isaev I.A. «Ruling Machine» or Legalization of Technology. *Lex Russica*. 2019;(1):119-143, doi: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.119-143. (In Russ.).
3. Mirskikh IYu, Loginova TE. Up to contradictions of international law norms and norms of Russian Federation in the sphere of intellectual property protection. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2010;3:128-132. (In Russ.).
4. Rumyantseva VG. The Issue of the Creative Power of Jurisprudence. *Russian Law Online*. 2021;(4):73-76. (In Russ.).
5. Sokolov DV. Intelligent migration in China, India and Russia: some international comparisons. *Science Management and Scientometrics*. 2016;3:45-63. (In Russ.).
6. Urinson YaM. Human capital dynamics and growth rates. *Biznes. Obshchestvo. Vlast*. 2019;1(31):67-76. (In Russ.).
7. Khvalei VV. There are too many cases in arbitrazh courts. «*Vedomosti*» e-newspaper. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/09/03/838644-arbitrazhnih-sudah> [Accessed 30.06.2024]. (In Russ.).
8. Chinnnykh NP. Prevention of a decrease in the level of human capital outflow in Russia. In: *Research on human capital as a strategic resource for socio-economic development: theory, methods, practice: Collection of papers of the All-Russian Youth Scientific Conference*. Yekaterinburg, April 24–25, 2014. Yekaterinburg: Ural University Publishing House; 2014. (In Russ.).
9. Shurtakov KV. «Patent trolls»: The analysis of foreign and Russian practices. *Economics of Science*. 2016;4:293-303. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.30.2.072-076

АКТИВНОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО: РАЗВИТИЕ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ

Берзина Анжелика Александровна,
доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат исторических наук, доцент
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
f-berzina2017@yandex.ru

Жук Анна Романовна,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
enn.zhuk@yandex.ru

© Берзина А. А., Жук А. Р., 2024

Аннотация. В высших нормативных правовых актах большинства стран особое внимание уделяется такому институту прямой демократии, как выборы, посредством которого граждане осуществляют право на участие в управлении делами государства, определяя векторы его развития. Процедура голосования позволяет учесть мнение каждого при принятии важнейших решений, что, в свою очередь, служит необходимым элементом гармоничного развития общества. Именно активному избирательному праву посвящена данная работа. Авторы статьи анализируют практику проведения выборов на разных этапах эволюции государственности. Так, в работе описывается процедура реализации активного избирательного права в древнегреческих полисах (Афинах и Спарте), Новгородской и Псковской вечевых республиках, на Дону среди казаков, а также в ряде современных стран. После чего делается вывод о многообразии моделей голосования. Также авторами анализируется одна из его новых форм — электронная, которая подразумевает применение цифровых технологий. В настоящее время Российская Федерация успешно использует зарубежный опыт для максимально эффективного функционирования систем электронного голосования на всей ее территории. В этом огромная заслуга Президента и Правительства РФ, Государственной Думы, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (ЦИК России). В заключение статьи авторы приходят к выводу о том, что благодаря информационным технологиям у граждан появилось право выбора способа голосования, и теперь вне зависимости от места нахождения избиратель имеет возможность выразить свою волю. Это позволяет в полной мере реализовывать один из основных принципов демократического государства.

Ключевые слова: избирательное право; выборы; остракизм; аккламация; вече; войсковой круг; комплексы электронного голосования; биометрические машины для голосования; дистанционное электронное голосование.

THE RIGHT TO VOTE: DEVELOPMENT OF THE FORMS OF IMPLEMENTATION

Angelika A. Berzina,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor, Department of History
of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

f-berzina2017@yandex.ru

Anna R. Zhuk,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

enn.zhuk@yandex.ru

Abstract. *The highest normative legal acts of most countries pay special attention to such an institution of direct democracy as elections, through which citizens exercise the right to participate in state affairs administration, determining the vectors of its development. The voting procedure allows you to take into account the opinion of everyone when making the most important decisions, which, in turn, serves as a necessary element of the harmonious development of society. This paper is devoted to active suffrage. The authors of the paper analyze the practice of holding elections at different stages of the evolution of statehood. Thus, the work describes the procedure for the implementation of active suffrage in ancient Greek policies (Athens and Sparta), the Novgorod and Pskov veche republics, on the Don among the Cossacks, as well as in a number of modern countries. After that, a conclusion is made about the variety of voting models. The authors also analyze one of its new forms — electronic, which implies the use of digital technologies. Currently, the Russian Federation is successfully using foreign experience for the most efficient functioning of electronic voting systems throughout its territory. This is a great merit of the President and the Government of the Russian Federation, the State Duma, the Central Election Commission of the Russian Federation (CEC of Russia). To sum up, the authors conclude that due to information technology, citizens have the right to choose the method of voting, and now, regardless of the location, the voter has the opportunity to express his will. This makes it possible to implement one of the basic principles of a democratic state.*

Keywords: *electoral law; elections; ostracism; acclamation; veche; military circle; electronic voting complexes; biometric voting machines; remote electronic voting.*

В современных конституциях особое место отводится политическим правам и свободам граждан. Эти права являются механизмом взаимодействия власти и общества, необходимым условием стабильного развития любого государства. Они обеспечивают активное участие населения в политической жизни страны. Среди всего многообразия политических прав и свобод важнейшим является право на принятие участия в формировании органов государственной власти и местного самоуправления — активное избирательное право, прообраз которого мы наблюдаем еще на догосударственной стадии развития человеческого общества в качестве неотъемлемого элемента первобытной демократии¹.

Колыбелью выборов традиционно считается Древняя Греция. Однако такой способ отбора государственных служащих не был популярен среди населения, поскольку было распространено мнение, что большинство голосов получают знатные и состоятельные граждане. Поэтому, чтобы предоставить равные возможности всем, выборы проводились с помощью жребия, «наугад»: в один сосуд клали определенное количество черных и белых бобов, а в другой — жетоны с именами кандидатов. Жетон и

¹ Горылев А. И., Зеленов А. В. Особенности становления избирательного права в России // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 186.

боб вынимались из сосудов одновременно. Если боб оказывался белым, то кандидат считался избранным.

В Древней Греции такие выборы имели еще и сакральный смысл: согласно мифологии именно этим способом был поделен мир между тремя братьями — Зевсом, Посейдоном и Аидом².

В Афинах получил распространение еще один специфический вид выборов: так называемый «суд черепков» или остракизм. Он заключался в том, что каждому участнику народного собрания выдавался осколок глиняного сосуда (остракон), на котором было необходимо написать имя человека, представляющего с его точки зрения особую опасность для государственного строя. По мнению многих историков, изгнанию из полиса на десять лет подвергался тот, чье имя повторялось не менее шести тысяч раз³. Помимо этого, остракизм стал распространенным средством политической борьбы. Так, в 472 г. до н. э. изгнанию был подвергнут Фемистокл, афинский полководец, участник битвы при Саламине, крупнейшего сражения периода Греко-персидских войн. Его политические враги выгравировали имя героя на тысячах глиняных черепков и раздали их неграмотным голосующим.

Также интересен опыт проведения выборов в Спарте, где голосование за членов в Совет старейшин осуществлялось путем аккламации, то есть принятия решения на основе реакции избирателей. Каждый кандидат по очереди проходил через собрание, а граждане аплодировали и выкрикивали слова поддержки. В соседнем здании находились выборщики, которые, не видя происходящего, по громкости крика определяли победителя. Аристотель назвал подобный способ избрания кандидатов «ребяческим»⁴.

Что касается истории развития российского избирательного права, по свидетельству летописцев, всенародные собрания городских жителей (вече) проводились с IX в., на них решались важные общественные вопросы, в том числе о призвании князей, избрании посадников, тысяцких, архиепископов⁵. Должностных лиц выбирали посредством выкрикивания имен кандидатов, поэтому они нередко нанимали громкоголосых мужчин для того, чтобы одержать победу.

Наиболее яркие примеры вечевого делательства наблюдались в Новгороде и Пскове. Они в меньшей степени подверглись монголо-татарскому нашествию, что способствовало сохранению вечевого уклада. В других же землях Руси занятие княжеского престола не зависело от воли народа: ярлыки на княжение выдавал ордынский хан.

При избрании князь заключал с городом договор, где определялись его права и обязанности. Если его деятельность не устраивала жителей, то собрание изгоняло правителя. Например, в Новгороде в XII–XIII вв. князья менялись 58 раз⁶. Однако с объединением и усилением нашего государства подобная форма не могла продолжать существование: ее развитие конфликтовало с формирующимся институтом единоличной власти князя. В результате походов московских войск на Великий Новгород (1478 г.) и Псков (1510 г.) вече было упразднено, а руководить территориями стали назначаемые из Москвы наместники.

Но это не значит, что с его ликвидацией прекратилось и участие населения в формировании управленческих органов. Элементы демократии были сохранены, в частности, среди Донского казачества, которое представляло собой симбиоз русской общины (с ее традициями вечевого управления) и тюркско-азиатской военной

² Тахо-Годи А. А. Греческая мифология. М. : Искусство, 1989. С. 82.

³ Прудников М. Н. История государства и права зарубежных стран : учебник. М. : Юрайт, 2013. С. 147.

⁴ Печатнова Л. Г. Выборы геронтов в Спарте. СПб. : Вестник Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 21–28.

⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 77.

⁶ Фроянов И. Я. Города-государства Древней Руси. Л. : Ленингр. ун-та, 1988. С. 171.

системы управления (с решающей ролью военачальников и жесткой дисциплиной)⁷. Высший законодательный орган — Войсковой круг Войска Донского — представлял собой общее собрание казаков, становившихся при решении важных вопросов по кругу, дабы видеть глаза друг друга.

Войсковой атаман избирался открыто на Войсковом кругу: тайное голосование воины считали несовместимым с их пониманием казачьей чести. Докладчик предлагал кандидатов, и выбранным становился тот, чье имя чаще выкрикивалось.

Государству было нелегко мириться с казачьей вольницей, поэтому оно стремилось ее ограничить. В 1723 г. Петр I не утвердил в атаманской должности выбранного на Войсковом кругу И. М. Краснощекова, а назначил более лояльного ко двору А. И. Лопатина, тем самым вмешавшись в полномочия высшего законодательного органа казаков. С этого момента Войсковой круг мог лишь рекомендовать императору кандидата на должность атамана, а в 1775 г. он и вовсе был ликвидирован.

В настоящее время у нас появилась возможность применения цифровых технологий как формы реализации волеизъявления граждан. Теперь в Российской Федерации можно проголосовать при помощи комплекса электронного голосования, устройств на основе сенсорного дисплея, расположенных на избирательных участках. В Федеративной Республике Бразилии успешно применяются биометрические машины для голосования, активация которых происходит при помощи отпечатков пальцев. Также в XXI в. распространено дистанционное голосование, позволяющее выразить свою волю вне зависимости от места нахождения. Одним из первых государств, внедрившим дистанционное электронное голосование (ДЭГ) на общегосударственных выборах, стала Эстония. Для участия в выборах гражданину Эстонии нужно иметь компьютер с подключением к Интернету и ID-карту, которая является его удостоверением личности. В Российской Федерации наблюдается тенденция поэтапного увеличения масштабов использования ДЭГ: так, на общероссийском голосовании по принятию изменений в Конституцию РФ в 2020 г. оно применялось лишь в двух регионах, а на выборах Президента РФ в 2024 г. — уже в 29. Благодаря этому у граждан появился альтернативный способ голосования, и теперь можно сделать свой выбор на избирательном участке либо традиционным способом (с помощью бумажного бюллетеня), либо при помощи машин для голосования, а также вне избирательного участка: дистанционно или в передвижных пунктах голосования, роль которых выполняют специализированные автобусы, добирающиеся даже до самых отдаленных населенных пунктов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — М. : Территория будущего, 2005. — 800 с.
2. *Горылев А. И., Зеленов А. В.* Особенности становления избирательного права в России // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2008. — № 5. — С. 186–194.
3. *Маркедонов С. М.* Казачий круг как политический институт. — М. : Полис, 1996. — С. 151–153.
4. *Печатнова Л. Г.* Выборы геронтов в Спарте. — СПб. : Вестник Санкт-Петербургского университета, 2011. — С. 21–28.
5. *Прудников М. Н.* История государства и права зарубежных стран : учебник. — М. : Юрайт, 2013. — 811 с.
6. *Тахо-Годи А. А.* Греческая мифология. — М. : Искусство, 1989. — 304 с.
7. *Фроянов И. Я.* Города-государства Древней Руси. — Л. : Ленингр. ун-та, 1988. — 269 с.

⁷ *Маркедонов С. М.* Казачий круг как политический институт. М. : Полис, 1996. С. 151–153.

REFERENCES

1. Froynov IYa. City-states of Ancient Russia. Leningrad: Leningrad University Publishing House; 1988. (In Russ.).
2. Gorylev AI, Zelenov AV. Some peculiarities of the making of the electoral law in Russia. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2008;5:186-194. (In Russ.).
3. Markedonov SM. Cossack Circle as a political institution. Moscow: Polis Publ.; 1996. (In Russ.).
4. Pechatnova LG. The geronte election in Sparta. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. 2011;2:21-28. (In Russ.).
5. Prudnikov MN. History of the state and the law of foreign countries. Moscow: Urait; 2013. (In Russ.).
6. Takho-Godi AA. Greek mythology. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1989. (In Russ.).
7. Vladimirskiy-Budanov MF. Overview of the history of Russian law. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2005. (In Russ.).

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: 8 (499) 244-88-88, доб. 573
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка — *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

RUS-LAW ONLINE

2 / 2024

WWW.RUS-LAW.ONLINE